

1-й ЭКЗ XVII, 49424, 109

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

915

№ 14

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

СОДЕРЖАНИЕ № 14.

Ив. Курдюмовъ. „Плюсь и минусъ“ (статья).
Леонидъ Добронравовъ. „Каменный гробъ“ (рассказъ).
М. Шагинянь. „Европа и мы“. [Отвѣтъ г. Тинякову.] (Статья II).
О. Мандельштамъ. 3 стихотворенія изъ цикла „Римъ“.
Александръ Тиняковъ. „Слава буднямъ“, „Цивилизация“ (стихотворенія).
Сергѣй Городецкій. „Ушедшему брату“ (стихотворенія).
Леонидъ Галичъ. „Человѣкъ безъ завѣщанія“ [странички (I)].
Дмитрій Крючковъ. „Вяча“ (рассказъ).
Г. Чубиновъ. „Сваны“ (очеркъ).
Хроника.
Отъ Редакціи.
Новыя книги, поступившія въ Редакцію для отзыва.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Ариштамъ. Заставка (стр. 16).
Ереминъ. Заставка (стр. 2).
Норовкинъ. Заставки (стр. 9, 10, 11 и 14).
Чехонинъ. Заставки (стр. 10, 11).
5 снимковъ къ статьѣ Г. Чубинова. „Башня въ Сваніи“ (стр. 13), „Долина“ (стр. 15), „Деревня въ Сваніи“ (стр. 17), „Сваны“ (стр. 19 и 20).
10 снимковъ офицера. „Смотрятъ на русскія войска“ и „Возвращаются на свои пепелища“ (стр. 1), „Награды за храбрость“ и „блюдаютъ“ (стр. 3), „Домъ ксендза послѣ ухода враговъ“ (стр. 5), „Припрятавшееся орудіе“ (стр. 5), „Переправа“ (2 снимка на стр. 5), „Переправа“ и „Разрушенный мостъ“ (стр. 9).

Адресъ Редакціи: Лиговская, 114, кв. 2, тел. 20-01. Приемные часы: вторн. и пятн., отъ 4-хъ до 6-ти. Рукописи, присылаемыя въ Редакцію, должны быть четко написаны, черезъ страницу. На отвѣтъ прилагаются почтовые марки. Непринятые рукописи хранятся въ теченіе мѣсяца, послѣ чего уничтожаются.

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ принимаютъ участіе:

Въ литературномъ отдѣлѣ:

Г. Адамовичъ, С. Андреевскій, Анна Ахматова, С. Ауслендеръ, Г. Бароновъ, В. Бестужевъ, Л. Берманъ, А. Блокъ, В. Бугачарскій, Н. Бородинъ, В. Бруснянинъ, З. Венгерова, Б. Верхоустинскій, Б. Веселовскій, Л. Галичъ, В. Гиппиусъ, З. Гиппиусъ, Г. Георгіевскій, С. Городецкій, Л. Добронравовъ, Борисъ Зайцевъ, И. Зейлингеръ, Георгій Ивановъ, В. Ирецкій, Р. Ивневъ, В. Каратыгинъ, В. Карачарова, А. Карташевъ, Н. Коробко, В. Кохановскій, Антонъ Крайній, Д. Крачковскій, Д. Крючковъ, М. Курчинскій, О. Ларинъ, Д. Левинъ, Н. Лернеръ, Е. Мауринъ, А. Мейеръ, Д. Мережковскій, Д. Митрохинъ, М. Моравская, М. Новорусскій, Я. Окуневъ, І. Орбели, А. Ремизовъ, В. Ропшинъ, А. Ростиславовъ, Е. Семеновъ, М. Славинскій, Ю. Сленинъ, Ю. Слонимская, Андрей Соболевъ, К. Соколовъ, П. Соловьева (Allegro), В. Соловьевъ, А. Тиняковъ, Н. Толмачевъ, О. Форш, А. Чапыгинъ, Георгій Чулковъ, М. Шагинянь, К. Эрбергеръ, Н. Ястребовъ и др.

Въ художественномъ отдѣлѣ:

Н. Альтманъ, А. Ариштамъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Л. Бруни, П. Верейскій, А. Гроссъ, М. Добужинскій, С. Ереминъ, А. Иванова, Л. Квятковскій, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, П. Митуричъ, М. Нечитайло-Андреевко, Б. Поповъ, Е. Псковитиновъ, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, В. Яннауеръ, С. Яремичъ и др.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами полного собранія сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО съ пересылкой—8 р. 50 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—3 р. 50 к., къ 1-го марта—2 р., къ 1-го іюня—2 р., къ 1-го августа—1 р. Цѣна за 6 мѣс.—4 р. 25 к., за 3 мѣс.—2 р. 12 к.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ (безъ книгъ полного собранія сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО),

съ пересылкой: за годъ—4 р. 50 к., за 6 мѣс.—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 р. 35 к. Разсрочка допускается: при подпискѣ—2 р. 50 к., къ 1-го іюня—2 р.

ПРИ ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА необходимо прилагать СТАРЫЙ АДРЕСЪ И ТРИДЦАТЬ (30) коп. почтов. марками.

Заявленія о неполученіи очередного номера необходимо дѣлать тотчасъ по полученіи номера, слѣдующаго за неполученнымъ. Позднѣйшія заявленія удовлетворены быть не могутъ.

СОБРАНИЕ УЗОРОВЪ для ВЫШИВАНІЯ и ДРУГИХЪ РУКОДѢЛІЙ

Для лицъ, любящихъ заниматься рукодѣліями и особенно вышиваніемъ въ крестикъ и гладью, Акц. Общ. Издательства А. А. Каспари предлагаетъ большую коллекцію тѣхъ напечатанныхъ красками УЗОРОВЪ, которые уже издавна пользуются симпатіей дамскаго міра, завоевавъ себѣ популярность въ качествахъ приложеній къ иллюстрированн. журналу „РОДИНА“.

Имѣются коллекціи нижеуказанныхъ лѣтъ со слѣдующими количествами содержащихся въ каждомъ выпускѣ листовъ узоровъ:

1891 г.—9 лист., 1892 г.—9 лист., 1893 г.—11 лист., 1894 г.—11 лист., 1895 г.—11 лист., 1896 г.—11 лист., 1897 г.—12 лист., 1898 г.—10 лист., 1899 г.—11 лист., 1900 г.—11 лист., 1901 г.—12 лист., 1902 г.—12 лист., 1903 г.—11 лист., 1904 г.—10 лист.

Въ этихъ выпускахъ напечатаны узоры вышивокъ самыхъ разнообразныхъ издѣлій—скатертей, ковровъ, салфеточекъ, подушечекъ, полотенецъ, рубашекъ, дорожекъ и проч., и проч.

Цѣна каждого выпуска—ОДИНЪ рубль съ перес.

Выписывающіе всѣ 14 выпусковъ платятъ лишь ШЕСТЬ рублей.

Требованія адресуются Акціонерному Обществу Издат. А. А. КАСПАРИ, Петроградъ, Лиговская ул., д. 114, и Садовая ул., д. 21.

ВСЕМІРНАЯ ИСТОРИЯ

По новѣйшимъ сочиненіямъ проф. Бенкера, Реймонда, Лявисса, Йеге, Неммеля (Шпамера), Дюрно, Костомарова, Соловьева и мног. др. съ **многочисленными иллюстраціями.** Изданіе А. А. Каспари „Всемирная Исторія“, т. в. повѣствованіе о близкихъ и далекихъ событіяхъ и явленіяхъ жизни человѣчества, является превосходнѣйшимъ пособіемъ для самообразованія и самовоспитанія, а потому обязательно необходима въ каждой семейной библиотекѣ. „Всемирная Исторія“ издаваема А. А. Каспари даетъ обстоятельный обзоръ всей исторической жизни міра и раздѣлена на ЧЕТЫРЕ тома съ иллюстраціями

Томы I и II. **Древнее время и средніе вѣка.** 1056 стр. текста и 424 рисун. въ одномъ красивомъ переплетѣ. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкой.

Томъ III. **Новое время.** 944 стр. текста и 483 рисун. въ красивомъ переплетѣ. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкой.

Томъ IV. **Новѣйшее время.** Около 1000 стр. текста и 475 рисун. въ красивомъ переплетѣ. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкой.

Выписывающіе всѣ четыре тома платятъ только ЧЕТЫРЕ (4) руб.

132

П

стр
зат
раз
зил
це
ви
о
то
ещ

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

1-й экз.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

издаваемый Акц. Общ. Издательства А. А. Каспари въ Петроградѣ, при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Петроградъ.

№ 14

1 апрѣля 1915 г.

Снимки офицера. 1. Смотрятъ на русскія войска. 2. Возвращаются на свои пепелища.

ИВ. КУРДЮМОВЪ.

ПЛЮСЪ И МИНУСЪ.

Адольфъ Гарнакъ заявилъ въ 1900 году:

„Нѣмцы своей реформаціей вписали содержательную страницу во всеобщую исторію; ничего подобнаго нельзя сказать о славянахъ*“.

Гусь, котораго сожгла инквизиція, ничего не могъ возразить знаменитому нѣмецкому богослову. За Гуса возражаетъ Эрнъ (есть такой славянофильскій профессоръ или докторъ въ Москвѣ). И вотъ что онъ сказалъ (приблизительно):

„Нѣмцы своей реформаціей вписали отвратительную страницу во всеобщую исторію; ничего подобнаго нельзя сказать о славянахъ“.

То есть, выражаясь нагляднѣе: хорошо что гг. инквизиторы во-время сожгли Гуса. А то, не приведи Богъ, онъ еще устроилъ бы реформацію и навѣки опозорилъ славян-

ство. Эрнъ и Гарнакъ могутъ показать другъ другу руки: о способностяхъ славянскаго племени у обоихъ очень схожія представленія.

Вообще у молодыхъ нашихъ славянофиловъ презабавная манера хвалиться. Я недавно слушалъ докладъ одного изъ учениковъ этой школы. И вотъ какъ онъ бранилъ нѣмцевъ:

„У нихъ Лютеръ, у нихъ Кантъ, у нихъ Гегель, у нихъ Гауссъ, у нихъ Эйлеръ. А у насъ—слава Тебѣ, Господи!—никакихъ Лютеровъ, никакихъ Кантовъ, никакихъ Гегелей, никакихъ Гауссовъ, никакихъ Эйлеровъ“.

Выходило, что нѣмцы очень должны стыдиться того, что у нихъ есть, а мы, наоборотъ, очень должны гордиться тѣмъ, чего у насъ нѣтъ.

Національная или не-національная черта—такой видъ самовосхваленія? Адольфъ Гарнакъ глубоко-націоналенъ, когда онъ съ убѣжденіемъ заявляетъ, что лютеровъ „нѣмецкій“

*) А. Гарнакъ. «Сущность христіанства», лекція XVI.

ера.
стъ
зри.
ытъ.
по-
льн
анія
изна
и.
вна
омъ
дль.
рис.
3
бля
20.

протестантизмъ—самый лучший протестантизмъ и ничего подобнаго славяне не могли выдумать. Для нѣмца чрезвычайно типично, что у него—самое лучшее христіанство, самый лучший философскій идеализмъ, самые лучшіе вагоны 4-го класса, самый лучший мюнхенскій шпатоврей и самый лучший кайзеръ. Это—сюжетъ, тысячу разъ истракованный въ беллетристикѣ. Можно думать, что германскіе гении только для того и трудились, чтобы гейневскій „Karl Mayer aus Schwaben“ могъ ими хвастать:

... hier ist
Carolus Magnus begraben:
Man muss ihn nicht verwechseln mit Karl
Mayer—der lebt in Schwaben.

Но вотъ приходитъ господинъ Эрнъ, и онъ уже не тѣмъ хвалится, что у него Гете, у него Кантъ, у него Лютеръ, у него асфальтовые мостовыя въ столицѣ, у него самые расторопные полицейскіе и самый потрясающій Крупшъ, а тѣмъ, что у него ни того, ни другого, ни третьяго, и это говоритъ съ восторгомъ, это говоритъ съ *самодовольствомъ*. какъ будто каждый плюсъ загрязняетъ и только минусъ позволяетъ быть гордымъ.

„Славянство *неспособно* къ протестантизму“—это первое его достоинство.

„Славянство *неспособно* къ идеалистической философій“—это второе его достоинство.

„Славянство *неспособно* къ наукѣ, или (съ любопытнѣйшей оговоркой) къ *раціоналистической* наукѣ (словно есть нераціоналистическая наука!)“—и это третье его достоинство.

„Славянство *неспособно* вообще къ механической, т. е. высшей цивилизаціи“—и это уже вѣнецъ его гения.

Повторяю—національно ли это самовосхваленіе? Націоналенъ ли господинъ Эрнъ, который чрезвычайно доволенъ, что онъ не можетъ сдѣлать такую пакость, какъ реформація или кантова философія? Если бы славянофильская молодежь не имѣла ничего національнаго, то о ней и говорить бы не стоило. Но вѣдь въ томъ-то и бѣда наша, что Эрны не безъ рода и племени, что у нихъ есть предки, отцы, и угрожаютъ появиться потомки. Мережковскій, проинпательно уловившій „дьявольскую гордыню“ въ „смиреніи“ Тютчева, вѣроятно согласится со мной. И Щедринъ, гордившійся тѣмъ, что у насъ—мальчики безъ штановъ, а *тамъ*—мальчики въ штанахъ, далеко ли уклонился отъ Тютчева?

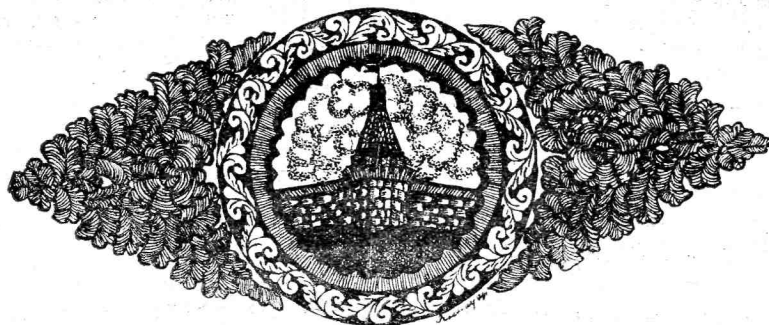
Сходство между Эрномъ и Гарнакомъ не случайное. Самодовольнъ знаменитый ученый, проложившій борозду въ богословіи. Самодовольнъ и московскій доцентъ, ничего еще въ своей жизни не проложившій кромѣ опереточной параллели между Кантомъ и Крупшомъ (да и онъ ли эту парал-

лель выдумалъ?). Гарнакъ по-нѣмецки самодовольнъ—своими книгами, своею эрудиціей, своимъ родствомъ съ великимъ протестантизмомъ, съ великимъ кантіанствомъ и т. д., словомъ—онъ доволенъ *достигнутымъ*. Эрнъ самодовольнъ по-русски—тѣмъ, что у него нѣтъ никакихъ книгъ, никакой эрудиціи, ничего вообще прочно-достигнутаго. Гарнакъ по-нѣмецки не видитъ, что Лютеръ, Гетель, Кантъ и т. д.—это только половина искомага, даже много меньше, чѣмъ половина, что они—ступени, этапы, по которымъ никакъ нельзя не пройти, но на которыхъ никакъ нельзя остановиться. Эрнъ, по-русски, по навітю чувствуетъ, что ни Кантъ, ни Эйлеръ, ни Лютеръ не могутъ быть *послѣднимъ* отвѣтомъ, а поэтому, по-русски-же, наотмашь, валитъ этихъ „идоловъ“ въ грязь. Но отъ Гарнака, когда онъ умретъ, все-таки останется „борозда“. А отъ Эрна—охъ!—приходится опасаться, что отъ него, если онъ не покается, ровно ничего не останется.

Почитать Гарнака было бы вообще довольно поучительно для московскихъ славянофиловъ. Тамъ они узнали бы на-примѣръ, что христіанство побѣдило эллинскую языческую философію и культуру, *вобравъ ее въ себя*. Между тѣмъ среди разныхъ эбонитовъ и прочихъ палестинскихъ и сирійскихъ первохристіанъ вѣроятно не было недостатка въ фанатикахъ, „смиренно“, но озлобленно отвергавшихъ языческія мудрованія. Поди, находились и такіе, которые отъ души радовались, что они *неспособны* выдумать такую пакость, какъ платоново ученіе объ идеяхъ или же стоическій логовъ. Однако церковь признала всѣхъ этихъ смиренныхъ и ревнителей еретиками. Эбонитамъ ни Платонъ, ни Зеновъ не были нужны. А вотъ церкви, христіанству, исторіи оказались чрезвычайно нужны, необходимы. И совѣтовать бы отрицателямъ реформаціи, отрицателямъ идеалистической философій, отрицателямъ „машинной“ цивилизаціи хорошенько помнить объ этомъ, дабы они въ свою очередь не посярались.

Если русскій народъ призванъ къ чему нибудь великому, то конечно не своей „неспособностью“, восхищающей московскихъ славянофиловъ. Никогда еще не рождалось на свѣтъ ни одного гения безъ могучей чувственности. Никогда еще не было ни одного великаго народа безъ таланта къ наукѣ, таланта къ „машинной цивилизаціи“, таланта къ политической справедливости, съ одной только святой и смиренной нищетой духовной. Пусть Гарнаки самодовольно считаютъ, что русскій народъ „неспособенъ“ повторить въ себѣ то, что создано германской душой, намъ же надлежитъ показать, что Россія все возьметъ и обниметъ: и Лютера, и Канта, и Гегеля, и науку, и „машинное“ просвѣщеніе—и еще многое прибавитъ отъ себя.

Ив. Курдюмовъ.

случ
посл
пріѣ
рите
въ
возл
ника
Пер
ни,
гово
гово
пла
прог
и ет

Снимки офицера. 1. Награды за храбрость. 2. Наблюдаеть.

ЛЕОНИДЪ ДОБРОПРАВОВЪ.

КАМЕННЫЙ ГРОБЪ.

„Господь, Господь, внемли, я плачу, я тоскую,
Тебѣ молюсь въ вечерней мглѣ.
Зачѣмъ Ты даровалъ мнѣ душу цеземную
И приковалъ меня къ землѣ?“

К. Вальмонтъ.

I.

Вечерніе огни.

Олевинскій и Жураховъ только что встрѣтились случайно. Они не видались пятнадцать лѣтъ, со дня послѣдняго государственнаго экзамена. Олевинскій привыкъ проводить въ сенатѣ тяжбу своего довѣрителя, выигралъ дѣло и завтра хотѣлъ уѣхать домой, въ Орель. Уложивъ вещи, вышелъ прогуляться и увидалъ почтового ящика увидѣлъ стараго друга, сверстника дѣтскихъ лѣтъ и университетскаго товарища. Первые минуты встрѣчи прошли во взаимномъ молчаніи, когда всплываетъ многое множество словъ, но ни одно изъ нихъ не высказывается и, кажется, говорить даже не о чемъ. Потомъ понемногу разговорились. Больше говорилъ Олевинскій, говорилъ главнымъ, протяжнымъ, адвокатскимъ голосомъ, произнося закругленныя фразы, лоснившіяся, какъ его цилиндръ. Жураховъ шелъ рядомъ, выпятивъ

сутулую спину и засунувъ руки глубоко въ карманы разношеннаго пальто, и молча слушалъ плавный рассказъ товарища о тысячныхъ дѣлахъ, о своей превосходной практикѣ, о своей семьѣ — «образцовыя дѣти, старшій въ будущемъ году поступаетъ въ университетъ», — слушалъ мелкій, тщеславный вздоръ, о которомъ обыкновенно только и говорятъ люди, довольные своей участью. И во всемъ — въ цилиндрѣ, въ кожаныхъ галошахъ, въ мѣховыхъ пышныхъ обшлагахъ пальто, въ полныхъ, бритыхъ щекахъ, переходившихъ въ жирныя складки, и подстриженныхъ усахъ Олевинскаго сквозило, свѣтилось, переливалось большое, самоуверенное довольство выхолоннаго, сытаго, спокойнаго человѣка, живущаго легко и приятно и сознающаго, что онъ живетъ лучше другихъ.

Олевинскій настойчиво звалъ товарища обѣдать въ ресторанъ. Жураховъ отказывался, говорилъ, что не можетъ, что долженъ скоро быть дома; но Олевинскій не хотѣлъ даже слушать никакихъ отказовъ и, ласково просунувъ руку подъ руку Журахова, сказалъ, что ни за что не отпуститъ его.

Они остановились на углу, ожидая, пока проѣдетъ мимо длинная вереница грохотающихъ ломовыхъ телѣгъ, груженныхъ большими ящиками.

Вечерняя, мутно-густая мгла была пронизана, изсѣчена огнями. Передвигались въ темнотѣ горяшіе, разноцвѣтные глаза трамваевъ,—хризолитовые, золотистые, фіолетовые, синіе. Голубыми яркими вспышками посверкивали провода, словно голубыя молніи остро вспыхивали здѣсь и тамъ и мгновенно гасли. Вправо, въ потокахъ огней, въ щедро разсыпанной пригоршнѣ золотыхъ звѣздъ утопалъ Невскій проспектъ. Мелкой, рѣзкой трелью дребезжали звонки трамваевъ и будто раздирали вечерній шумъ и вечернюю тьму дикіе, звѣрскіе вскрики автомобильныхъ рожковъ. По всѣмъ направленіямъ шли, перегоняя другъ друга, торопясь, люди и въ безконечномъ, быстромъ шествіи тянулись извозчики, кареты, моторы, снова извозчики, фургоны, груженныя тѣлѣги. Исчезали въ сосѣднихъ улицахъ, смѣняемые другими.

Олевинскій и Жураховъ пошли по Невскому, въ густомъ потокѣ людей, мимо сіяющихъ наглымъ, продажнымъ свѣтомъ витринъ, мимо вывѣсокъ, словно утыканныхъ сверкающими гвоздями—электрическими лампочками.

Заглядываясь на встрѣчныхъ женщинъ, Олевинскій болтливо говорилъ, что счастливъ снова очутиться въ столичномъ городѣ, вдыхать его воздухъ, разсѣяться отъ монотоннаго, докучнаго провинціальнаго существованія.

— Чувствуешь здѣсь пульсацію жизни,—громко говорилъ онъ, не переставая прищуренными глазами осматривать встрѣчныхъ,—чувствуешь, такъ сказать, сердцебіеніе столицы. Что скажешь? Развѣ не вѣрно? А?

Они вошли въ ресторанъ.

Олевинскій выбиралъ по картѣ тѣ кушанья, которыя носили неизвѣстное ему названіе и стоили дороже остальныхъ. Сѣдой лакей стоялъ предъ нимъ и, почтительно склонивъ рѣдковолосяную голову, записывалъ на бумажкѣ меню.

На эстрадѣ, обведенной хилыми лавровыми деревцами въ зеленыхъ кадкахъ, играли черномазые румыны въ красныхъ фракахъ. Протяжный, грустный вальсъ вѣялъ надъ столиками, заглушаемый стукомъ ножей, тарелокъ, разговорами, но не заглушенный. Пѣвучіе голоса скрипокъ, казалось, съ безразличіемъ обходили ресторанный шумъ, не сливаясь съ нимъ, поднимались къ лѣпному потолку, охраняя свою чистоту.

Откинувшись на спинку стула и засунувъ за воротникъ конецъ твердой, крахмальной салфетки, Олевинскій снисходительно поглядывалъ на сидѣвшихъ за сосѣдними столиками и поглаживалъ рыжеватые, подстриженные усы лѣвой рукой, на мизинцѣ которой кроваво-голубыми искрами, трепетнымъ, невѣрнымъ огнемъ горѣлъ брилліантъ, мертво-живое каменное око предателя.

— Ты представить себѣ не можешь, какъ я радъ, что встрѣтился съ тобой!—сказалъ Олевинскій, разсматривая истощенное, съ черной просвѣчивавшей бородкой, лицо Журахова, тощую шею, выступавшую изъ отложного воротника, большія, тонкія уши лопаточками.—Вѣдь, кромѣ тебя, у меня здѣсь—ни одной знакомой души. Подумать страшно—пятнадцать лѣтъ не видались... Ну, я тебѣ все рассказалъ о себѣ, а ты какъ? Служишь? Стихи пишешь? По-

Снимки офицера. Домъ ксендза послѣ ухода враговъ.

мнишь, въ университетѣ подписывалъ? Мы думали изъ тебя второй Лермонтовъ выйдетъ. Какъ это у него прекрасно: «И шестикрылый серафимъ на перепутьи мнѣ явился».—Онъ щелкнулъ пальцами.—Какая эпическая мощь сквозитъ въ каждомъ словѣ, которая пропитываетъ каждый звукъ, которая... а что, икра хорошая?—прервавъ себя, спросилъ онъ лакея, принесшаго закуску и хлопотливо разставлявшого на столѣ хрустальные тарелочки.

Жураховъ смотрѣлъ на Олевинскаго, но видѣлъ не одного Олевинскаго, видѣлъ прошлое, видѣлъ годы, прожитые въ пылающемъ чадѣ молодости; собиралось утраченное, разсѣянное, развѣянное, погранное, проданное; подступало зажигающееся желаніе разбить замкнутость, оковавшую сердце крѣпче желѣзныхъ оковъ; рождались смутныя слова, никому невысказанныя, ни съ кѣмъ не раздѣленные, никѣмъ, ни одной душой не опривѣченные. Пятнадцать лѣтъ молчанія! Пятнадцать лѣтъ одинокихъ мыслей, горькихъ, иссушающихъ!

Лакей снималъ металлическія крышки съ кастрюлекъ, откупорилъ вино и ушелъ.

— Ну, такъ какъ же ты поживалъ?—спросилъ Олевинскій, разставивъ руки и выбирая, съ чего начать закусывать.—Женатъ?

— Былъ. Разошелся съ женой.

Олевинскій подцѣпилъ вилокъ розовый кусокъ семги и, взглянувъ на Журахова, вздохнулъ.

— Да, братъ, семейный вопросъ — это сложная история! А въ особенности теперь! Условія жизни сложились чертовски, до безобразія. И давно разошлись?

— Черезъ годъ послѣ свадьбы.

— Такъ. Что жъ, бываетъ и скорѣе!.. Ну, выедемъ коньячку за доброе старое, — Олевинскій, округливъ пальцы, поднялъ рюмку, — за то, «когда легко и молодъ я былъ», то есть оба мы были. Однимъ словомъ, за все, что оба мы пережили тогда-то вмѣстѣ.

Жураховъ чокнулся и быстро выпилъ.

— Я не умѣю сказать, какъ я радъ, что встрѣтилъ тебя, — заговорилъ онъ тихимъ голосомъ, — казалось, что проживу до конца дней и не встрѣчу человѣка, съ которымъ поговорить можно, который пойметъ тебя и пойметъ все. — Олевинскій жуя кивнулъ. — И вдругъ — ты! Будто сама судьба послала тебя.

— Вепе! Выпьемъ за судьбу!

Журахову не хотѣлось ѣсть. Онъ пилъ ароматный коньякъ и закусывалъ корочкой бѣлаго хлѣба. Онъ хотѣлъ говорить, хотѣлъ рассказать Олевинскому свою жизнь, и тѣмъ больше хотѣлъ, тѣмъ жаднѣе, что никогда никому еще не говорилъ о себѣ откровенно, ни одному человѣку.

— Да-ра-ра-мм-мг... — напѣвалъ Олевинскій мотивъ вальса, не переставая ѣсть, и поглядывалъ по сторонамъ.

Между столиками проходили старые и молодые, штатскіе и военные, торопливо скользили лакеи, шлепая фалдами фраковъ. Общій говоръ гудѣлъ одною нотой, сливаясь въ непрерывный звукъ, — урр-урр-урр... Румыны заиграли что-то оперное, трескучее, какое же наглое, какъ лицо капельмейстера съ черными закрученными, напомаженными усиками.

Жураховъ ждалъ конца обѣда; несносно длиненъ казался онъ. Лакей подавалъ новыя кушанья неизвестно для кого: Олевинскій лѣниво ковырялъ вилкой, насыщенный уже; Жураховъ ничего не ѣлъ.

— Ты рѣшительно не хочешь? — спросилъ Олевинскій, — нѣтъ? — Онъ кивнулъ лакею: — убирай!.. Кофе и бенедиктинъ!

Олевинскій досталъ большой серебряный со множествомъ золотыхъ монограммъ портсигаръ, ловко открылъ его въ одной рукѣ и протянулъ Журахову.

— Кури! Табакъ великолѣпный. Приятель мой одинъ, управляющій табачной фабрикой, меня снабжаетъ по дешевой цѣнѣ. — Они закурили. — А частенько ты здѣсь бываешь? — Олевинскій сталъ ковырять въ рту зубочисткой. — Кормятъ... мм... недурно.

— Совсѣмъ не бываю.

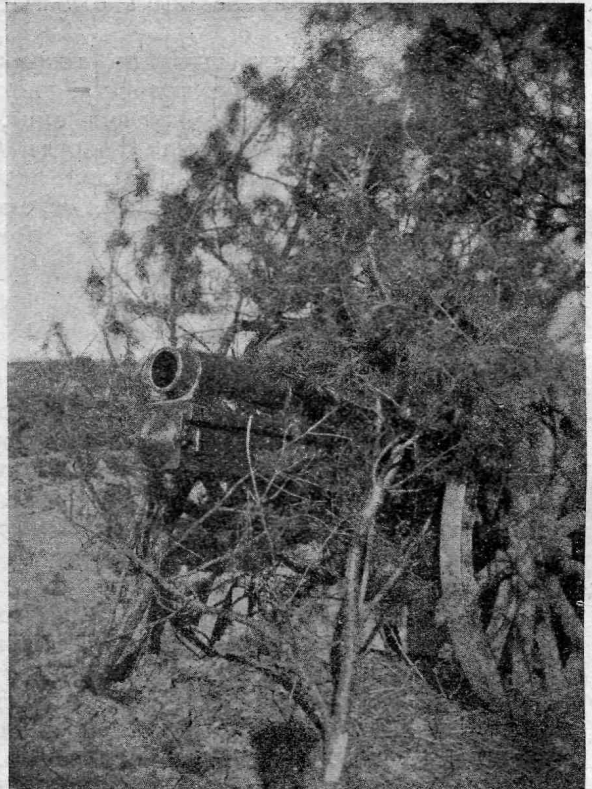
— Да что ты, дюша мой! Аржаны не позволяютъ?

— Нѣтъ, не потому, — Жураховъ быстро оглянулся, захватя однимъ взглядомъ весь ресторанный залъ; отовсюду на него смотрѣли жующія лица, шептались челюсти, выпячивались губы, маслились глаза, даже уши были въ движеніи. — Неприятно бывать здѣсь.

— Да что ты! Потому и не хотѣлъ идти сюда ко мнѣ?

— Да.

— Ну, и чудакъ ты! Отчего неприятно? Просто

Снимки офицера. Принятая орудіе.

ты нелюдимомъ сталъ. Отчего и не сходить сюда? Я не говорю, каждый день, а изрѣдка очень даже невредственно!

Жураховъ пригнулся грудью къ столу и сказалъ тихо:

— Мнѣ не по себѣ становится, когда я вижу эти рты. Посмотри, какъ они ходятъ, эти лица съ однимъ общимъ отпечаткомъ, жрущія двуногія существа!

— Н-да, отчасти, если хочешь, пожалуй. Но это неизбежно.

— Мнѣ чего-то совѣстно предъ таксами, неловко и стыдно, когда они гнутъ преѣбой спину. Чувствуешь, что ты будто виноватъ предъ ними въ чемъ-то, неискупаемо виноватъ.

Олевинскій усмѣхнулся.

— Философія! Маниловщина! Ты — такой же, какимъ былъ. Надо проще смотреть на вещи. Мнѣ оказываютъ услуги — я плачу за нихъ. Вотъ и все! Таково свойство каждой профессіи. Я — адвокатъ, мнѣ платятъ за мою юридическую помощь, тебѣ — за то, что ты тамъ сочиняешь бумаги, лакею — за то, что подаетъ и прислуживаетъ. Простая механика! Не понимаю, — Олевинскій поднялъ полныя плечи неторопливымъ, спокойнымъ движеніемъ и опустил ихъ — не понимаю, отчего можетъ быть неловко и стыдно! — Онъ налилъ изъ пузатой темной бутылки тягучую золотистую влагу въ изящныя, крошечныя рюмки. —

Надо трезво смотрѣть на вещи.—Онъ поднесъ рюмку ко рту, отхлебнулъ, чмокнулъ губами и проглотилъ.— Выпей-ка лучше издѣля честныхъ отцовъ-бенедиктинцевъ. Недурно!

Жураховъ чувствовалъ шумъ въ головѣ, испытывалъ обжигающее желаніе говорить, но мѣшалъ ресторанный шумъ, мѣшали жующія лица, пугала мысли стонущая, тягучая музыка. И когда Олевинскій, захмелѣвшій и разморенный флорой и духотою, предложилъ прокатиться на Острова, Жураховъ согласился съ большой охотой: никто не помѣшаетъ поговорить.

II.

Тускляя зеркала.

Они сѣли въ моторъ, стоявшій у ресторанный подъѣзда. Олевинскій зажмурясь почти лежалъ на упрямомъ кожаномъ сидѣньѣ, вытянувъ ноги.

Сверху сѣялась мелкая водяная пыль. Шофферъ предложилъ поднять крышу мотора, но Олевинскій хотѣлъ подышать свѣжимъ воздухомъ и сказалъ оставить такъ.

Они ѣхали Невскимъ проспектомъ. Высокіе фонари, окруженные сиреневымъ сіяніемъ, лили холодный свѣтъ. Магазины были заперты, въ витринахъ погасли огни и только кое-гдѣ, мѣстами, какъ тлѣющія уголья, оставались красныя и бѣлыя лампочки. Панели, мокрыя отъ дождя, — тускляя зеркала, — отражали проходившихъ; подъ каждымъ изъ нихъ плыло тонущее въ блестящемъ асфальтѣ отраженіе, — тѣнь, безмолвный, упорный, не отстающій спутникъ. Надъ крышами лежало темное, густое покрывало — небо пришло къ домамъ, къ трубамъ, непроницаемое, мрачное, давящее. Муть наполняла улицы, переливаясь изъ одной въ другую, застывая вдали прозрачными туманными завѣсами.

— Ты взгляни на эти дома, — говорилъ Жураховъ. — Мнѣ иногда кажется, что это — не зданія, выстроенныя людьми, а какія-то страшныя, невѣдомыя чудовища, заснувшія на время. Это — не стѣны, это — каменные бока чудовищъ. Придетъ время — и они проснутся, и тогда для людей настанетъ страшный часъ.

Олевинскій гмыхнулъ и зѣвая краемъ глаза посмотрѣлъ на товарища.

— Я пятнадцать лѣтъ живу здѣсь, пятнадцать лѣтъ давить на меня тяжесть камня, но вырваться отсюда я не могу... не хочу...

— Почему не хочешь?

— Какъ тебѣ сказать?... Почему ходишь на родныя могилы? Тянетъ что-то... Такъ вотъ и я. Каждая улица — могила, каждая улица смотрѣла и видѣла, какъ умирало во мнѣ что-то. А многое умерло, многое!

— Н-да... — промычалъ Олевинскій. — Ничего не подблаещь, законъ природы.

Моторъ круто повернулъ на Садовую, замедляя ходъ, проѣхалъ медленно нѣсколько домовъ и покатило быстрѣе, зычно рыча на проходившихъ, переходившихъ улицу, и извозчиковъ.

— Законъ природы? — переспросилъ Жураховъ. — А! законъ природы въ томъ, чтобы умирать? Согла-

сенъ и въ этомъ, да, законъ природы, но въ главное — чтобы умереть, нужно жить, жить, поймаешь? Жизнь должна быть! А ея вотъ нѣтъ! Есть какое-то подслѣпватое прозябаніе, тоскливо ждешь что не сегодня-завтра придетъ твоя послѣдняя минута. Ты думаешь, можно примириться съ этой мыслью? Можно спокойно ее принять? И въ то время видишь, чувствуешь всеми своими чувствами, что «время и смерть царятъ на землѣ», и ты безвольнъ предъ ними, ничтоженъ, какъ окурокъ папиросы.

— Хватилъ! Окурокъ папиросы! Окурокъ папиросы есть не болѣе, какъ окурокъ папиросы, а человекъ есть человекъ.

Навстрѣчу всталъ темный, суровый въ эту самотную ночь Лѣтній садъ, а слѣва широко разстлалось Марсово поле, затуманенное мелкимъ дождемъ. Порывами налеталъ вѣтеръ, облавая рѣзкимъ холодомъ. Пошелъ крупный, настойчивый дождь. Олевинскій постучалъ въ стекло шофферу, приказавъ остановиться и поднять вѣхъ.

— Человекъ есть человекъ, — задумчиво повторилъ Жураховъ, — а я убѣдился, что въ концѣ концовъ — ничто человекъ вздоръ, ничего онъ не можетъ, не въ силахъ ничего измѣнить. Только кажется ему, что онъ что-то можетъ. Нитъ власти ни надъ чѣмъ. Все совершается по чужой чьей-то волѣ, а ему остается только принимать и обманывать себя, что именно этого онъ хотѣлъ.

— Не согласенъ! — пробурчалъ Олевинскій, садясь удобнѣе въ темнотѣ покачивавшейся кареты.

— Неужели ты не чувствуешь, что это такъ? Боже мой! Какое подлое безсиліе, когда на твоихъ глазахъ происходитъ то, что противно тебѣ, и ты ничего не можешь, не можешь вмѣшаться, ничего не можешь измѣнить. Видишь, дрогнетъ на улицѣ ребенокъ въ лохмотьяхъ, тянетъ руку за милостивѣе знаешь, что тысячи, десятки тысячъ такихъ ребятъ на свѣтѣ, а тутъ же, рядомъ, на рыскахъ катитъ какая нибудь павы, а въ ушахъ у нея брилліанты съ орѣхами. Чувствуешь, понимаешь, что здѣсь, въ противорѣчій этомъ, въ этомъ подломъ контрастѣ, величайшая несправедливость, страшная уроливость, не можешь примириться съ нею, объяснить не можешь и не въ твоей власти хоть на волосъ измѣнить, не въ силахъ сдѣлать такъ, чтобы у павы брилліанты въ ушахъ стали меньше, а несчастному мальчишкѣ — теплѣе.

— Каждому свое, — зѣвнулъ Олевинскій.

— Да? Каждому свое? А какъ ты мнѣ объяснишь, почему нужно павѣ на рыскахъ катить, а мальчишкѣ скитаться въ лохмотьяхъ? Я хочу знать, во имя чего такое распределеніе? Назови мнѣ великую цѣль, ради которой все это происходитъ? Можетъ быть, ради какого нибудь великаго, общаго блага, общаго счастья, ну, я не знаю, ради чего, но такъ объясни, чтобы мнѣ сталъ понятенъ несчастный, голый ребенокъ. А пока это мнѣ неизвѣстно и пока глубокомысленно ссылаются на то, что таковы строи мірозданья, я протестую! Къ черту мірозданья, когда въ немъ одинъ умираетъ съ голода, а другой — отъ обжорства!

Олевинскій ничего не отвѣтилъ; его разморило

дѣла объѣда и клонило ко сну; онъ почти и не слышалъ того, что говоритъ Жураховъ.

— Иногда отъ этихъ вопросовъ можно съ ума сойти, и если кто началъ думать, тому нѣтъ спасенья! Нѣтъ выхода! Или вѣчный компромиссъ съ совѣстью, или лбомъ въ стѣну — и вообще конецъ. По улицѣ идешь — и страшно дѣлается. Всѣ спѣшатъ, всѣ озабочены, но кажется, что торопливость напускная, озабоченность и всякія заботы выдуманы нарочно, чтобы скрыть отъ другихъ то, что въ душѣ, чтобы и другихъ обмануть, и себя. Случайно встрѣишь чьи-нибудь глаза, глядишь подольше и прощелкаетъ этотъ страхъ проклятый, такой безграничный, какъ прочтешь, которому имени нѣтъ. И начинаешь бояться, вдругъ закричать всѣ въ одинъ голосъ. Кто тогда? Убивать въ отчаяніи другъ друга будутъ или себя самихъ будутъ убивать.

Жураховъ задумался, опустивъ голову и сжавъ плечи. Моторъ покачиваясь мчался вдоль Каменноостровскаго проспекта. На стекла, забрызганныя каплями дождя, наплывали свѣтлыя очи фонарей, мгновенно исчезая, и новыя свѣтлыя сіянія вслѣдъ за ними быстрыми призраками заглядывали въ автомобильную щель. Олевинскій впросонкахъ трепыхалъ губами. Жураховъ думалъ, что онъ слушаетъ и печально продолжалъ:

— И начинается мнѣ представляется, что живемъ мы въ каменномъ гробу; дома эти, всѣ эти каменные зданія — только стѣнки гроба, въ которомъ мы колотимся. Все живое, все человѣчество заключено въ одинъ громадный каменный гробъ, замертвое живое. А когда кто умретъ, вытаскиваютъ того, чтобы положить въ деревянный гробъ, и вышвырнуть вмѣстѣ съ нимъ въ пространство, закопаютъ въ землю, чтобы устойчивѣе былъ фундаментъ, чтобы поближе былъ фундаментъ для каменнаго. И эти различные фонари мнѣ кажутся зажженными для какого-то торжественнаго погребенія, и я удивляюсь, почему возлѣ нихъ не вижу факельщиковъ?

Олевинскій сонно и ровно засопѣлъ.

— Ты, можетъ быть, счастливѣе. Ты живешь въ провинціи, гдѣ все проще, яснѣе, занимаешься любимымъ дѣломъ, а я — поэтъ по призванію — служу въ управленіи ссудосберегательныхъ кассъ, чувствую себя наемникомъ, ради чего, ради кого? Не знаю сказать. А уйти некуда, потому что уйти — значитъ, одно временно перемѣнить на другое. У насъ на улицахъ одиннадцатилѣтнія дѣвочки занимаются проституціей. Пойми! Одиннадцатилѣтнія, дѣти! Видишь! И одно остается — все проклясть на свѣтѣ, все, всякую вѣру, всякую науку, все, чѣмъ гордится человѣкъ! Культура! Прогрессъ, цивилизація... торжественное шествіе... къ правдѣ, добру и красотѣ! — Жураховъ сердито усмѣхнулся. — А я поставлю на пути этого триумфальнаго шествія дѣтей, которыя свое дѣтское тѣло продаютъ, и посмотрю, остановится ли шествіе, или въ сторону свернетъ! Мировые гении, писатели, ху-

дожники, философы, ученые, на минуточку, на секунду одну попрошу васъ перестать парить ввысь, попрошу сюда заглянуть, гдѣ дѣти съ папиросками во рту гуляютъ и пристають къ мужчинамъ, потому что надо же, чертъ дери, жрать, не ложиться же на панель и подыхать съ голода! Посмотрите и скажите свое просвѣщенное мнѣніе, ради чего все это?

Олевинскій громко всхрипнулъ, вздрогнулъ, открылъ глаза и, услышавъ послѣднія слова Журахова, проинесенныя истерзаннымъ, измученнымъ голосомъ, промямлилъ:

— Да, недурно... Очень даже...

— Что недурно?

— Ты недурно говоришь, съ темпераментомъ. Я не все, признаться, слышалъ, вздремнулъ нечаянно, но въ общемъ, такъ сказать, въ контекстѣ, я все уловилъ.

— И?

— И ничего... Ты не по своей дорогѣ пошелъ. Тебѣ бы въ наше сословіе! И деньгу имѣлъ бы и, знаешь, удовлетворенное самолюбие. Это много значить.

Жураховъ сидѣлъ оцѣпенѣвъ, словно оглушенный сильнымъ ударомъ. А Олевинскій потягиваясь взялъ его за локоть и зашепталъ ему въ ухо:

— А теперь, собственно говоря, недурно бы для ансамбля по дамской части? А? Ты — столичный житель и тебѣ все извѣстно, что, гдѣ и какъ? — Олевинскій захихикалъ съ перехватами. — Если ты по части аржановъ стѣсененъ, не безпокойся, я плачу.

Жураховъ выдернулъ свою руку изъ руки Олевинскаго и дрожа заговорилъ:

— Я... ты останови моторъ, мнѣ надо домой. — Онъ не могъ больше ни одной минуты оставаться вмѣстѣ съ товарищемъ.

— Да что ты, въ своемъ умѣ?

— Прошу тебя.

Олевинскій пожалъ плечами и съ обидой въ голосѣ сказалъ:

— Не смѣю задерживать. Очень жаль конечно...

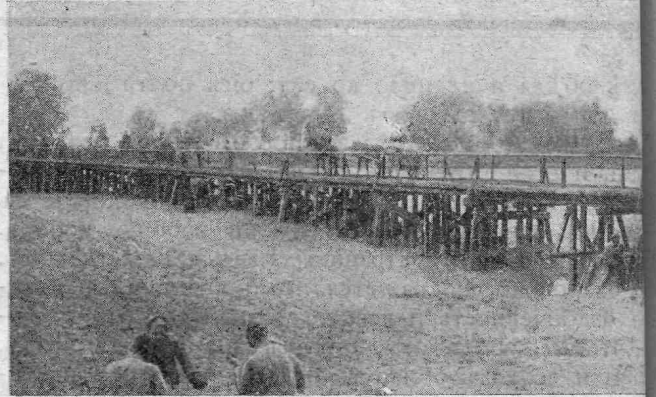
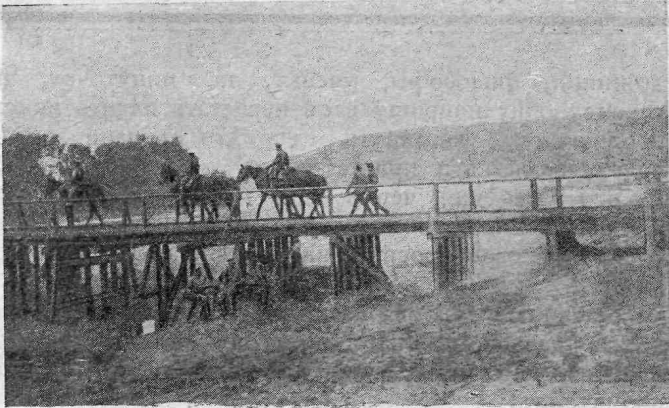
Жураховъ молча пожалъ его полную, мясистую руку и, когда шофферъ, по приказанію Олевинскаго, застопорилъ машину, вышелъ изъ мотора.

Олевинскій удивленно, не понимая, въ чемъ дѣло, посмотрѣлъ ему вслѣдъ, высунувшись изъ дверцы. Сгорбленная фигурка быстро шла по мокрой панели, отражаясь въ ней, какъ въ тускломъ зеркалѣ, и темная тѣнь, безмолвный, упорный, неотстающий спутникъ, неотступно и быстро ползла въ дождевой, мутный туманъ.

— Чу-дакъ! — пробормоталъ Олевинскій и, вдругъ осердившись крѣпко и глубоко, до самаго дна души, въ сердцахъ произнесъ: — И-ди-отъ! Психо-патъ! — Взглянувъ на часы, сердито крикнулъ шофферу: — въ «Акваріумъ»! — и сильно хлопнулъ дверцей мотора.

Леонидъ Добронравовъ.

Снимки офицера. Переправа.

М. ШАГИНЯНЪ. ЕВРОПА И МЫ.

Отвѣтъ г. Тинякову.

Въ статьѣ своей „Къ переоцѣнкѣ цѣнностей“ (№ 8 „Голоса Жизни“) г. Тиняковъ совершенно справедливо указываетъ на „необходимость пересмотра нашихъ отношеній къ западно-европейской цивилизаціи“. Но пересмотръ, который онъ самъ предлагаетъ читателю, представляетъ все то же, типичное для русскаго сознанія, противопоставленіе „техники“ — „духу“, телефона — ясновидѣнію и (верхъ безвкусицы, чтобы не сказать — кощунства) Эдиссона — Христу. Европа конечно представляется ему виновницей техники, телефона и Эдиссона, а Россія онъ предлагаетъ избрать второй путь и обходиться безъ телефоновъ.

Намъ это предлагается уже не въ первый разъ и мы, думается, не должны внушать особенныхъ опасеній нашимъ опекунамъ: телефоны у насъ большей частью нѣмецкіе, и надо полагать, покончивъ съ нѣмцами, мы покончимъ и съ телефонами. Но вотъ въ чемъ дѣло: точно ли угрожала намъ когда нибудь европейская „опасность“ и знаемъ ли мы, что такое Европа?

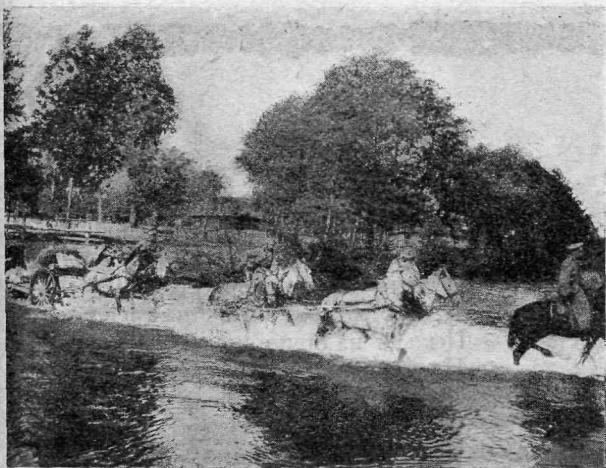
Начать съ терминовъ. По сю пору у насъ безбожно путаютъ понятія цивилизаціи и культуры, тогда какъ на Западѣ они уже довольно четко разграничены; первое говоритъ о совокупности матеріальныхъ усовершенствованій, второе — о координатѣ духовныхъ цѣнностей; въ основѣ перваго заложенъ принципъ, въ основѣ второго — идея. Кажется, смѣшивать водопроводъ съ Миланскимъ соборомъ трудно; мы ихъ однако же смѣшиваемъ на каждомъ шагу. Но ихъ не только нельзя смѣшивать, ихъ и нельзя раздѣлить до конца: римскіе акведуки въ Кампаніи „посвящены“ въ культуру десятками столѣтій... А мы забываемъ какъ тайну различія, такъ и таинство соотношенія культуры и цивилизаціи.

Наивно путая термины, мы ставимъ Европѣ наивный діагнозъ. Она у насъ то губительница (въ дни Петра), то гибнущая — въ дни наши. Забывая собственный нашъ аскетизмъ, наше чаянье „новой земли и новаго неба“, наше наконецъ природное устремленіе къ катастрофальности, — мы вдругъ называемъ трагическую, заостренную до катастрофы, европейскую культуру — мѣщанствомъ и располагаемся пить

чай, что на языкѣ Тинякова звучитъ нѣсколько иначе: „демя жить бѣдно и просто, станемъ жить неторопливо и просто“. Въ неторопливомъ чаепитіи Тиняковъ усматриваетъ черты „арійскаго Востока“, который будто бы намъ ближе арійскаго Запада.

Но что такое арійскій Востокъ и откуда взять Тинякову, что онъ намъ ближе? Въ статьѣ его упоминаются египетскіе мудрецы. Но, во-первыхъ, египтяне — не арійцы, а, во-вторыхъ, египетская мудрость влилась въ европейскую культуру, оплодотворивъ греческую, — по линіи развитія европейскаго изма съ востока на западъ: Египетъ, Греція, Римъ. Далѣе упоминаетъ г. Тиняковъ индусовъ. Индусы дѣйствительно — чистѣйшій арійскій Востокъ. Но при чемъ тутъ мы, русскіе? Индусовъ и „Бхагавадъ-Гиту“ открыли — увы! — нѣмцы (и не только они — рошлывые телефонщики!), и открыли не такъ давно, о чемъ мы узнали изъ трудовъ профессора Дейссена; родство чистой индусской философіи великимъ метафизическимъ системамъ Запада доказалъ еще одинъ телефонщикъ, германскій низированный англичанинъ Х. С. Чемберленъ; онъ же усиленно подчеркиваетъ для Европы важность индусскаго вліянія и проповѣдуетъ его усвоеніе, какъ нѣкій нужный коррективъ къ античному наслѣдству грековъ. Наконецъ посмотри на карту; отъ сирійскихъ народовъ Малой Азіи намъ отдѣляетъ маленькая арійская Армения. Можетъ быть, это и есть искомый Востокъ г. Тинякова? Но вѣдь и его открывали иностранцы еще задолго до того, когда намъ обиходъ обогатился армянскими анекдотами. Если не учитывать сомнительныхъ пересовъ, то нашими соседями являются — и въ огромномъ масштабѣ — монголы. Эти дѣйствительно пока составляютъ наше наслѣдіе, у насъ никѣмъ не оспариваемое. Итакъ, географически мы вовсе не рядомъ съ „арійскимъ Востокомъ“, а метафизически мы получили и познали его изъ рукъ Европы, въ переводѣ, въ интерпретаціи европейцевъ. Ученіе же, какъ извѣстно, не больше учителя.

Единственная ориентальная база наша — это мы сами; и этомъ смыслѣ правъ Ѳ. Сологубъ (на котораго ссылается Тиняковъ), когда онъ утверждаетъ: „Мы — Востокъ религіозно“.

Снимки офицера. 1. Переправа. 2. Разрушенный мостъ.

и мистическій". Только этому Востоку придется черпать серьезно из себя одного, разъ онъ идетъ не на Западъ, какъ идетъ солнце, какъ пшли арійцы, какъ пошло христианство, а сидитъ на одной своей восточной „позиціи“ и располагаетъ очевидно засидѣться не только за вечеръ, и за полночь,—вплоть до Страшнаго Суда.

Подобно тому, какъ совершенно произвольны этнографическія построения г. Тинякова, такъ произвольно и его понимание Европы, будто бы „технически сильной, но духовно слабѣйшей“. По существу этой формулы я говорить не могу—изъ уваженія къ предмету. Трагедія Европы отнюдь не вымѣщается въ подобную характеристику, и о ней слышимъ много говорить, думаютъ, знаютъ сами европейцы; и самые наивныя обличенья—ничто предъ обличеньями Ницше; и самые лексиконъ скептической и лирической мы заимствовали отъ Шопенгауэра и Гамлета; даже самое соотношеніе техники и нравственности (Sittlichkeit) провозглашено было проблемой сперва на Западѣ (Руссо), а потомъ у насъ. Предъ этою проблемою намъ надо вести себя потише, просто потому, что только Европа, страдающей и изъивающей себя въ культурѣ, является проблемой; для насъ же она сплошь перекладка, умозрѣніе, діалектическое понятіе. Итакъ, оставивъ скромностью этотъ вопросъ въ сторону, займемся лучше съ внимательнымъ опредѣленіемъ Европы.

По г. Тинякову выходитъ, что вся цивилизація Западнаго мира на почвѣ „обогащенія“, „жадности“, „самодовольства“, соблазна „легкихъ достижений“, „насилія надъ природою“, а въ результатѣ ея конечно любовь къ вещамъ, постепенный культъ машины. Поводомъ къ изобрѣтенію машины является она сама—таково убѣжденіе Тинякова, и потому европейская техника представляется ему чуть ли не плодомъ побѣды дьявола.

Это—наше основное заблужденіе. Машина сама по себѣ никогда не играла и не играетъ никакой роли въ Европѣ; она подобрана Европой на пути ея—развитія, она какъ бы выдана ей въ премію за ея духовное усиліе. Цивилизація Европы никогда не была ни цѣлью, ни средствомъ, а лишь средствомъ избраннаго Европой духовнаго пути; поэтому мы и не должны: во-первыхъ, говоря о Западѣ, имѣть въ виду цивилизацію, а не культуру, а во-вторыхъ, принимать

культуру и отвергать цивилизацію. Единственный, кто среди насъ понялъ это, былъ Левъ Толстой; онъ боролся вовсе не противъ „новѣйшей цивилизаціи“, какъ ошибочно говорить г. Тиняковъ, но противъ европейской культуры вообще,—не только противъ телефона, но и противъ Шекспира. Этою желѣзной послѣдовательностью онъ достигъ индивидуальной правоты и общечеловѣческой праведности; мы же, наивно желая „не порывать связей съ западнымъ искусствомъ и философіей“ и въ то же время отвергая пути Европы, тщимся обрѣсти какую-то вселенскую правоту и остаемся только вдвойнѣ неправы.

По мнѣнію Тинякова, Европа сейчасъ доказала фактъ своего моральнаго одичанія, которое уже давно подготовлялось. Это европейское „неблагополучіе“ онъ подчеркиваетъ какъ примѣръ для насъ. Но думаетъ ли Тиняковъ, что міръ, самъ міръ,—благополученъ? Приходила ли ему въ голову та вѣчная истина (завѣщанная намъ цѣною Голговы), что культура есть выявленіе, заостреніе, оформленіе всѣхъ противорѣчивыхъ цѣнностей, раздражающихъ душу міра, до той ихъ предѣльной упругости, при которой онѣ могутъ преодолѣваться, преображаться уже сверхъ-культурнымъ путемъ, но опять-таки не безъ посредства въ нихъ самихъ заключенной религіозной правды? Христианство возникло, говоря языкомъ учебниковъ, „на развалинахъ древняго міра“, и вотъ оказалось, что эти развалины не только понадобились для его, т. е. христианства, историческаго построения, но даже сами предвѣщали его возникновеніе.

Трагическія противорѣчія Европы—отнюдь не противожизненны, и она сама изъ себя вырабатываетъ къ нимъ противоядія. Что до текущаго момента, то, на мой взглядъ, практичнѣе оборотнѣться на самихъ себя или же, если мы никакъ не можемъ думать о себѣ, не иридираясь къ Европѣ,—по крайней мѣрѣ отмѣтить стремительно приближающійся на Западѣ моментъ перераспределенія исторической значимости между двумя принципами: межъ принципомъ государственности и принципомъ социализаціи. Ущербъ одного и нарастаніе другого—новая будущая страница Европы. Надо подумать объ этомъ, а не о пресловутой „гибели Запада“, которую мы, какъ кукушка на часахъ, періодически возвѣщаемъ.

М. Шагинянь.

Из цикла «Рим».

1.

О временах простых и грубых
Копыта конскія твердятъ,
И дворники въ тяжелыхъ шубахъ
На деревянныхъ лавкахъ спятъ.
На стукъ въ желѣзные ворота
Привратникъ, царственно лѣнивъ,
Всталъ, и звѣриная зѣвота
Напомнила твой образъ, скифъ,
Когда съ дряхлющей любовью,
Мѣшая въ пѣсняхъ Римъ и снѣгъ,
Овидій пѣлъ арбу воловью
Въ походѣ варварскихъ телѣгъ.

2.

(Памяти Воропихина)

На площадь выбѣжавъ, свободенъ
Сталъ коллонады полукругъ,
И распластался храмъ Господень,
Какъ легкій крестовикъ-паукъ.
А зодчій не былъ итальянецъ,
Но русскій въ Римѣ; ну, такъ что-жь?
Ты каждый разъ, какъ иностранецъ,
Сквозь рошу портика идешь!
И храма маленькое тѣло
Одушевленнѣе стократъ
Гиганта, что скалою цѣлой
Къ землѣ, безпомощный, прижать.

3.

Посохъ мой—моя свобода,
Сердцевина бытія.
Скоро-ль истиной народа
Станетъ истина моя?
Я землѣ не поклонился,
Прежде чѣмъ себя нашелъ;
Посохъ взялъ, возвеселился
И въ далекій Римъ пошелъ.
Знаю, снѣгъ на черныхъ пашняхъ
Не растаетъ никогда,
Виноградниковъ домашнихъ
Не пьянитъ меня вода.
Снѣгъ растаетъ на утесахъ,
Солнцемъ Истины палимъ.
Правъ народъ, вручившій посохъ
Мнѣ, идущему на Римъ.

О. Мандельштамъ.

Слава буднямъ.

Чудеснѣй сказокъ и балладъ
Явленія жизни повседневной—
И пусть ихъ за мечтой-царевной
Поэты-рыцари спѣшатъ!
А мнѣ милѣй волшебныхъ розъ
Пыльца на придорожной травкѣ,
Церквей сіяющихъ главки
И вздохи буйные березъ.
Пускай другихъ къ себѣ влекутъ
Недосягаемая башни,—
Люблю я быть простой, домашній
И сѣрый будничный уютъ.
Мелькнувъ, какъ огненный языкъ,
Жарь-птицы крылья проблитали,—
Но я люблю земные дали
И галокъ суетливый крикъ.
Жарь-птица въ небо упорхнетъ,
Но я не ринусь вслѣдъ за нею,
Къ Землѣ любовью пламенью
И лишь о ней душа поетъ.
Поетъ, ликуетъ и молясь
Благословляетъ все земное:
Прохладу вѣтра, ярость зноя,
Любовь и грусть, цвѣты и г. яз!

Цивилизація.

Визжатъ гудки автомобилей,
Волнуя городской хаосъ,
А гдѣ-то дремлютъ души лилій,
Которыя любилъ Христосъ.
Къ завѣтамъ Господа не чутки,
Предъ сатаной мы пали ницъ,
Мы—палачи, мы—проститутки,
Мы лживѣй и смраднѣй лисицы!
Изъ камня мы громады строимъ,
Изъ стали дѣлаемъ звѣрей
И, точно псы предъ смертью, воемъ
При мертвомъ свѣтѣ фонарей.
И въ насъ, какъ нишая малютка,
Душа больна отъ ранъ и слезъ,
И намъ подумать стыдно, жутко,
Что къ намъ опять придетъ Христосъ!
На дивный запахъ Божьихъ лилій
Дадимъ мы Господу въ отвѣтъ
Лишь смрадный духъ автомобилей
Да сумасшедшихъ дикій бредъ.

Александръ Тиняковъ.

УШЕДШЕМУ БРАТУ.

1.

Повѣривъ радостному чуду,
Что смерти нѣтъ, что смерти нѣтъ,
Твой голосъ слышу отовсюду,
Какъ на страданія отвѣтъ:
«Ищи меня на небѣ нѣжномъ,
Когда ущербный мѣсяцъ мой
Сіяетъ свѣтомъ бѣлоснѣжнымъ
Сливаясь съ утреннею тьмой.
Ищи меня въ снѣжинкѣ малой,
Упавшей съ неба на тебя.
Въ ней вѣсть о жизни небывалой
Найди не плача, не скорбя.
Ищи меня! Не будь унылымъ!
Я всюду, всюду надъ тобой!
Къ родной землѣ, къ предѣламъ милымъ
Лечу изъ дали голубой».

2.

Каждой ночью ты мнѣ снишься,
Милый братъ мой! Съ высоты,
Слышу, ты къ землѣ стремишься,
По землѣ тоскуешь ты.
Въ этихъ снахъ всегда ты—прежній:
Мы смѣемся, говоримъ,
И надъ нами воздухъ вешній
Съ солнцемъ ласковымъ земнымъ.
Но ни слова, но ни звука
Ты о томъ не говоришь,
Что теперь съ тобой... О, мука!
Снѣговой могилы тишь!
Можетъ быть, ты въ черныхъ безднахъ
Предназначеннымъ путемъ
Мчишься мимо вихрей звѣздныхъ
Въ окрыленѣ золотомъ?
Можетъ быть, въ раю высокомъ
Дышишь, рѣешь тихо ты,
Достигая новымъ окомъ
Намъ незримой красоты?
Твоему далеку я раю
И безсильною рукою
Только слезы утираю
И молюсь за упокой.

3.

Какъ часто дневная тревога
Меня отторгаетъ отъ тьмы,
Отъ звѣздно-лазурнаго Бога,
Въ комъ всѣ упокоимся мы.
И дни, и недѣли бываю
Безъ всякихъ вѣстей отъ тебя,
Пока, словно птица живая,
Ко мнѣ не прильнешь ты любя.
Заплещешь незримо крылами,
Какъ вѣтеръ, въ глаза мнѣ вздохнешь
И вѣчности нѣжное пламя
Мнѣ къ сердцу земному прильнешь.
И гдѣ бы я ни былъ, случайный,
Я все забываю вокругъ,
Встревоженный близостью таины,
Тобой обрѣтенной, мой другъ.
И всѣмъ своимъ слухомъ духовнымъ
Навстрѣчу всему твоему
Стремлюсь, но вниманьемъ грѣховнымъ
Безгрѣшныхъ небесъ не пойму.
И встрѣча, какъ злая разлука,
Летитъ, истомляя меня,
И снова смыцается мука
Докучнаго бѣлаго дня.

Сергій Городецкій.

ЛЕОНИДЪ ГАЛИЧЪ.

СТРАНИЧКИ.

I. Человѣкъ безъ завѣщанія.

Умеръ Витте, насадившій въ Россіи: 1) золотую валюту, 2) „большую“ промышленность, 3) представительство. Онъ началъ свое государственное служеніе въ тарифномъ комитетѣ и кончилъ—въ финансовомъ, какъ бы очертивъ своей жизнью обычную сановную траекторію. Но этотъ путь чиновничьей службы имѣетъ на себѣ вѣхами—проведеніе сибирской дороги, реформу денежнаго обращенія, покрытие Россіи заводами, Портсмутъ и 17-ое октября.

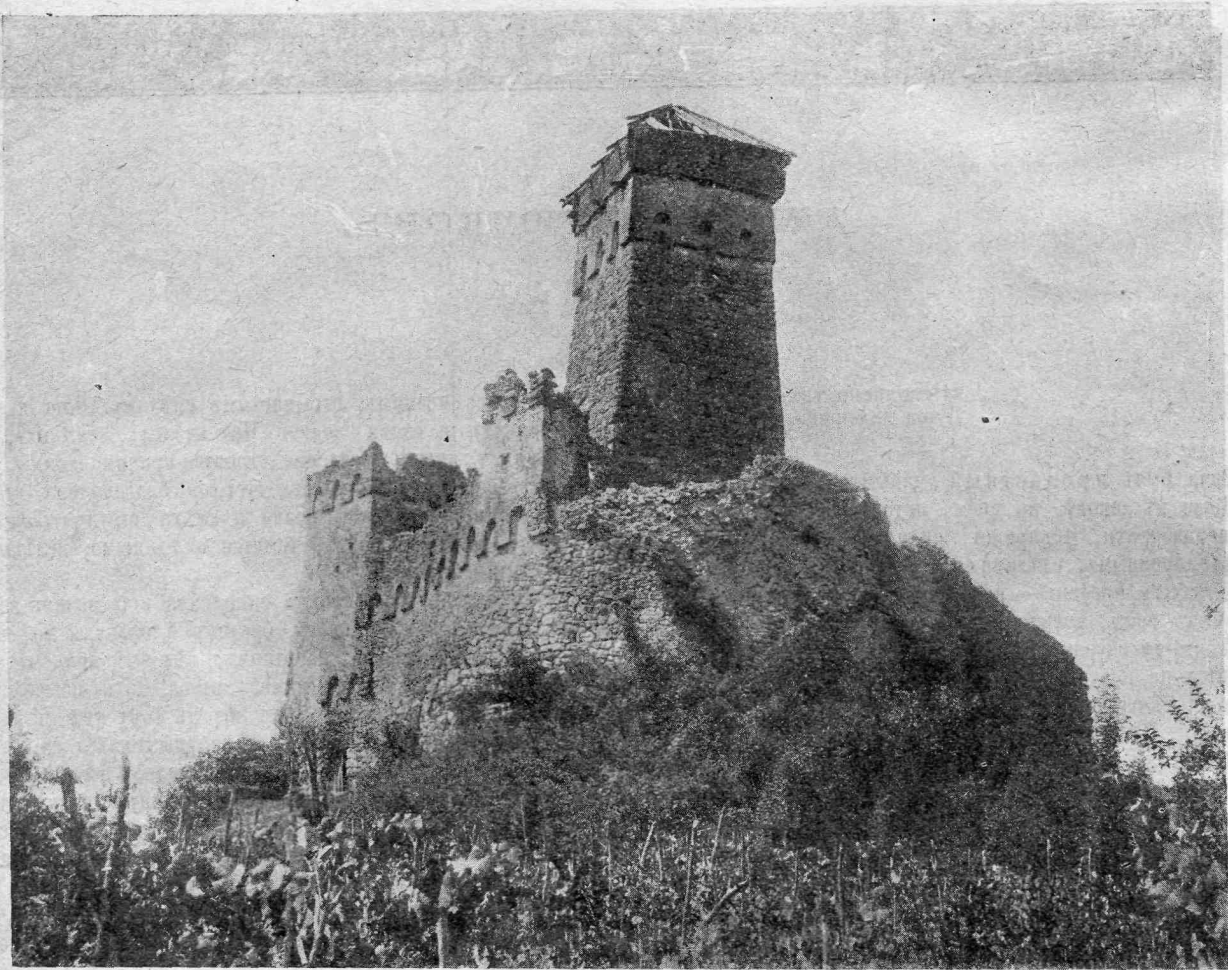
О графѣ Витте въ „чистой политикѣ“ много мѣткого и вѣрнаго сказано въ № 11 „Голоса Жизни“. Да будетъ мнѣ позволено говорить не о Витте-политикѣ, не о Витте-государственномъ кормчѣмъ, а о Витте-историческомъ фактѣ.

Любопытно, что во всѣхъ точкахъ своей дѣятельности Витте постоянно имѣлъ предъ собою однихъ и тѣхъ же противниковъ. Противъ золота, заводовъ и конституціи неизмѣнно подымали свой голосъ—кредитки, земледѣліе и реакція. Витте и Шараповъ, золото и кредитный рубль—таковы глубоко-враждебные, ничѣмъ не примиримые полюсы нашей государственной жизни. И если Шараповъ оставилъ по себѣ памятникомъ груды остроумныхъ памфлетовъ и щедрый, несмотря на субсидіи, заводчикъ какихъ-то плужковъ, то имя Витте врѣзалось въ самую нѣдра русской земли въ видѣ рудниковъ и забозвъ и сверкаетъ на поверхности ея въ мартеновскихъ и бессемеровскихъ установкахъ. Шараповъ превосходно писалъ; Витте всю жизнь пользовался услугами бойкихъ „золотыхъ перьевъ“, раздавая имъ чины и мѣста, а иныхъ и доводя до портфелей. Витте былъ нисколько не литераторъ, ни капли не литераторъ; меньше даже чѣмъ предшественникъ его по управленію финансами, профессоръ и теоретикъ Вышнеградскій, и преемникъ—В. Н. Кокцовъ. Эта отчужденность отъ слова, удаленность отъ писательства, литераторства—очень знаменательная черта въ обликѣ покойнаго. Когда-то Менделѣевъ сказалъ: „Россія гибнетъ отъ литературы“. Менделѣевъ былъ очень умный человѣкъ, и навѣрное умнѣе чѣмъ Витте. Но спасъ Россію отъ избытка литературы, разумѣется, не менделѣевскій афоризмъ и даже не „Толковый тарифъ“ нашего великаго химика (и не менѣе великаго публициста), а виттевскій экономическій курсъ,—если только мы и впрямь спасены, въ чемъ пожалуй позволительно усомниться.

Имя Витте никогда не будетъ окружено легендой. Въ этомъ имени чрезвычайно мало героическаго, обаятельнаго, вообще въ какомъ нибудь отношеніи магнетическаго. Валовень судьбы, Витте никогда не былъ „любимцемъ“ публики или народа. Я думаю, онъ даже не дождется любовной біографіи, какую однако имѣютъ уже при жизни гг. Андреевъ и Арцыбашевъ. Таковъ неравный удѣлъ литераторовъ и нелитераторовъ. Безъ Витте мы навѣрное не имѣли бы многихъ предпосылокъ культуры, каковы напимѣръ нашъ нынѣшня рельсовая сѣтъ, наша нефтяная промышленность, наша металлургія, наше машиностроеніе и т. д. въ ихъ теперешней

сравнительной широтѣ. Тогда какъ безъ господъ Арцыбашевыхъ... И однако совершенно немислимо найти въ комнатѣ студента или курсистки фотографическій портретъ Витте, и естественно (почти неизбежно) встрѣтить тамъ задумчивый обликъ г. Леонида Андреева.

Фигура Витте наводитъ на многія размышленія. Я лично не то чтобы любилъ (здѣсь любовь рѣшительно не у мѣста), но глубокимъ симпатическимъ чувствомъ цѣнилъ эту огромную государственную полезность. Въ крайней прозѣ есть такая же величавость, какъ въ самомъ буйномъ пирѣ поэзіи. А вѣдь Витте былъ реальнѣйшимъ человѣкомъ въ нашей странѣ; во сто кратъ конечно реальнѣе, чѣмъ журнальный „реалистъ“ Писаревъ, чѣмъ Чернышевскій, даже чѣмъ марксисты и земцы, даже чѣмъ талантливый Вышнеградскій и, можно сказать, гениальный Менделѣевъ. Витте уступалъ имъ въ талантѣ, т. е. въ многоцѣлности замысловъ. Но всѣхъ превосходилъ въ плодотворности, всѣхъ превосходилъ въ силѣ. Витте не стоялъ гдѣ-то посрединѣ между небомъ и землей, идеализмомъ и практикой. Онъ сразу началъ съ того, что упорядочилъ денежное хозяйство на одесской желѣзной дорогѣ; а потомъ, понемногу и шагъ за шагомъ, взялся и за упорядоченіе Россіи. Пока одни проповѣдывали большія дѣла, а другіе—малыя дѣла, пока одни захлебывались отъ „чести“, а другіе—отъ „совѣсти“ (знаменитое опредѣленіе Михайловскаго), Витте,—словно свалившійся въ нашу фантазирующую и разсуждающую Россію съ какой-то омертвѣвшей планеты безъ облаковъ, радуги, зорь и прочихъ атрибутовъ идеализма,—внезапно сбѣлалъ что-то такое, отъ чего золото хлынуло къ намъ изъ-за границы и стало бороздить нашу землю рельсами, шахтами, нефтепроводами, осѣдять фабричными корпусами, вращивать и раздвигать города, вытягивать крестьятъ изъ деревни, дѣлать насъ похожими на Европу. И все это безъ малѣйшей тѣни программы или теоріи. Правая рука переворачивала всю русскую жизнь, какъ лемехъ плуга переворачиваетъ цѣлину, а лѣвая составляла записку о полномъ удушеніи земства. Зналъ ли Витте, куда онъ ведетъ Россію и къ чему онъ ее ведетъ? Я думаю, великіе практики, часто бываютъ столь же бессознательными, интуитивными, какъ великіе художники. Мы не видимъ „замысловъ“ Витте, какъ не видимъ „замысловъ“ Бисмарка. Кто былъ Витте—прогрессистъ, консерваторъ? Хотѣлъ ли „подморозить“ Россію, подобно Побѣдоносцеву, съ которымъ долго раздѣлялъ власть, и Леонтьеву, съ которымъ имѣлъ точки соприкосновенія по раннимъ славянофильскимъ симпатіямъ? Или же мечталъ о прогрессѣ, подобно тѣмъ „кадетамъ“ и земцамъ, которыхъ приглашалъ въ соработники? Вѣришь, что ни то, ни другое. Вѣдь и Бисмаркъ былъ абсолютистомъ и либераломъ, и даже фритредеромъ и протекціонистомъ, смотря по обстоятельствамъ. Замыслы, программы, теорія—это дѣло Чернышевскаго съ Михайловскимъ, дѣло Хомяковыхъ, Аксаковыхъ, дѣло литераторовъ, сочинителей. Витте не бранилъ литераторовъ, подобно литератору

Вашня въ Сваніи. (Кавказъ) Съ фотогр. г. Ермакова. Тифлисъ

Менделѣву, но всей силой внутренней своей прозы стоял на страже отъ писательской психологіи, отъ всего, что отдавать замысломъ.

Шараповъ защищалъ ассигнаціи—и имѣлъ систему, міровоззрѣніе. Витте защищалъ золото—и не имѣлъ ни тѣни системы, ни намека на сведенную воедино догму государственной философіи. Даже больше: Шараповъ былъ монархистъ и Витте былъ монархистъ; Шараповъ былъ славянофилъ и Витте былъ славянофилъ; Шараповъ былъ въ душѣ почвенникъ и Витте былъ въ душѣ почвенникъ. Но Шараповъ хорошо *дедуцировалъ*; и такъ какъ „самобытность традицій“ связана съ помѣщичьимъ строемъ, т. е. дорогимъ строемъ, слабостью промышленной жизни, недопускомъ въ страну капиталовъ, то стоялъ за лажъ и кредитки. Витте дедуцировалъ плохо, но зато онъ безошибочно дѣйствовалъ. Шараповы съ кредитками и плужками неизбежно привели Россію къ безнадежному китайскому малокровію; тогда только *алогическій* Витте влилъ намъ въ жилы европейскую кровь.

И вотъ онъ умеръ, преданъ исторіи; никакихъ услугъ, подвиговъ намъ больше отъ него нельзя ждать. Конечно, мемуары его прочтутся (какой-то американскій издатель предлагаетъ уже за нихъ миллионъ долларовъ); но какія изреченія, увѣщанія могъ оставить человѣкъ дѣла? Своего драго практическаго инстинкта онъ намъ не передастъ. Съ своимъ инстинктомъ надо родиться, его не переймешь чте-

ніемъ. Дѣло Витте разъ навсегда сдѣлано; имя Витте не въ сердца наши вписано, а въ нѣдра и поверхность земли. „Полное собраніе сочиненій“—охъ, громоздко же это полное собраніе! Тутъ и уголь, и сталелитейные заводы, и десять тысячъ верстъ рельсъ сибирскаго пути, и десятки иностранныхъ миллиардовъ, и гранитные дворцы банковъ, и верфи, и вагоны, и склады—и единственный коротенькій афоризмъ: „Государство не исключаетъ гуманности“.

С. Ю. Витте всего на четыре года пережилъ Льва Толстого. И расцвѣтъ его практической дѣятельности почти совпалъ съ расцвѣтомъ толстовства. Режиссеру міровой драмы словно улыбнулась идея одновременно вывести на подмостки два полюса души человѣческой. Ибо, разумеется, не Шараповъ—настоящій антиподъ Витте, а нашъ яснополянскій пророкъ. Одинъ совсѣмъ не чувствовалъ практики, другой—только ее и чувствовалъ; одинъ тянулся замысломъ и мечтой къ самому финалу исторіи, но не могъ переменить и черты въ окружающей его обстановкѣ; другой еще въ 1904 году не зналъ, что будетъ въ 1905 конституціонализмомъ—и передѣлалъ судьбы Россіи, быть можетъ, на столѣтія впередъ; съ однимъ мы продолжаемъ бесѣдовать и послѣ его смерти, добываясь поученій и утѣшеній; съ другимъ и при жизни бесѣдовали только одни интервьюеры, долачики и просители.

И можно ли, и нужно ли спрашивать: кто нужнѣе?

Леонидъ Галичь.

ДМИТРИЙ КРЮЧКОВЪ.

ВЯЧА.

«Исполнена тайны жестокой
Душа замирающих скрипокъ».
Фетъ.

Вяча былъ прелестный мальчикъ, его любили всюду. Даже въ школѣ, во время потасовки, внезапной и шумной неразберихи, товарищи щадили его, жалѣли, словно считая нарочнымъ, сдѣланнымъ только напоказъ. Въ дѣтствѣ Вяча любилъ рисовать—начертить много длинныхъ носовъ, смѣшныхъ рожей, неуклюжихъ лошадей и птицъ. Вдругъ на улицѣ что-то загремѣло—солдаты идутъ. Рисунки позабыты, валяются на полу. А тутъ еще почтальонъ позвонилъ, мамѣ какую-то книгу принесли. Надо непременно, сейчасъ же ее поглядѣть. Прощайте, носы и солдаты, гдѣ книжка?

Въ школѣ Вяча не могъ сосредоточиться, отдаться одному: то пустится задачи рѣшать, до поздней ночи надъ ними пылать, пока мама спать не прогонять, то карты чертитъ невѣдомыхъ стравъ, то вдругъ батюшкѣ каверзный вопросъ загнетъ: „А какъ же, о. Павелъ, рыбы при всемирномъ потопѣ погибли—вѣдь имъ-то въ водѣ привычно жить?“

Дома жилось хорошо: просторныя, свѣтлыя комнаты, всюду красивая мебель, много игрушекъ. Жили на казенной квартирѣ—вначинъ папа директорствовалъ въ большой клиникѣ; лѣстница широкая, швейцаръ важный, толстый, въ мѣдлѣхъ и орденахъ, только всюду лекарствами пахнетъ, да и то ничего, обвыкнешься и не замѣчаешь вовсе. Мама любила музыку, къ ней часто приходили гости, пѣли и играли; иногда заглядывалъ и папа послушать—большой, бритый, лицо строгое, голосъ громкій, словно солдатамъ командуетъ. Всѣ къ нему относились почтительно, даже какъ будто слегка со страхомъ—большая знаменитость, свѣтило науки, нельзя иначе—обидѣться можетъ. Вяча папы не зналъ и не любилъ, а съ мамой у него большое дружелюбие было. Мама гордилась имъ. „Все мое въ немъ,—думалось ей,—даже имя „Вячеславъ“, необычное, красивое, и то я придумала“. Папу звали Хрисаномъ, по отчеству Сысоевичемъ, онъ былъ изъ поповичей, и мама очень не любила вспоминать объ этомъ, хотѣла бы даже передѣлать вачино отчество, да ничего не подѣлаешь, не перемѣнишь.

Когда Вяча подросъ, мама стала оставлять его на своихъ вечерахъ—онъ сидѣлъ тихонько въ уголку, слушалъ жадно, внимательно и думалъ-думалъ о чемъ-то очень приятномъ и несбыточномъ. Но, какъ и въ дѣтствѣ, думы переплетались, желанія не слушались: запоетъ пѣвецъ—хорошо бы такъ пѣть, заиграютъ на роялѣ—надо маму попросить нанять учителя и самому такъ играть научиться. Въ одинъ изъ вечеровъ къ мамѣ пришелъ совсѣмъ новый гость, маленький, черненькій, яркій, на обезьяну похожий—знаменитый пріѣзжій скрипачъ; даже папа захотѣлъ его послушать, поздоровался и сказалъ какой-то длинный комплиментъ, скучный и непонятный, какъ рецептъ. Всю жизнь Вяча не могъ забыть этого вечера—онъ и раньше часто слышалъ скрипку, но только у этого маленькаго, юркаго человѣчка она пѣла, плакала,

заливалась мелкимъ, отрывистымъ смѣхомъ. Вотъ замолчала на минуту и снова поетъ. На низкихъ, тяжкихъ, торжественныхъ нотахъ медленно строится мрачный храмъ, старый молитвенный напѣвъ льется густою, благовоной струей, отъ этихъ пѣсенъ, отъ плача и смѣха струнъ тяжело дышать, сердце замираетъ, томится ожиданиями, нелѣпыми надеждами и снами.

Съ этихъ поръ скрипка заполнила всѣ вачины помыслы, онъ сталъ тревожно спать, бредилъ и плакалъ во снѣ и вдругъ вскакивалъ съ короткимъ, рѣзкимъ крикомъ и пугалъ весь домъ. Нашла мама учителя; тотъ пожалѣлъ, что Вячу раньше не начали учить играть (ему уже исполнилось 15 лѣтъ). Первое время Вяча не разставался со скрипкой, звуки извлекалъ отчаянные, дикіе, пилилъ упорно, подолгу, часами. Иногда папа присылалъ горничную сказать, что онъ не въ состоянii думать и работать въ такомъ содомѣ. Шло время и вачина любовь къ скрипкѣ не слабѣла, только теперь ему казалось, что учитель не такъ учитъ, что-то утаиваетъ, скрываетъ самое нужное, что надо больше думать и мечтать, а такъ гаммами и этюдами много не наиграешь.

Подошло время кончать гимназію; у Вячи экзамены, суетня, страхи, заботы, скрипка дремлетъ въ футлярѣ и только развѣ въ свѣтлыя сумерки выпадетъ минутка свободная, можно немножко попиливать. Мама поѣхала лечиться за границу, папа предсѣдателемъ на какомъ-то ученомъ съѣздѣ—весь домъ пустой и только майскія сумерки шепчутся по большимъ комнатамъ. Вдругъ Вячѣ телеграмма: „Прости, Вяча милый, уѣзжаю навсегда, будь счастливъ, прости маму“. Послѣ только узналъ Вяча, что мама и за границей увлеклась музыкой, влюбилась въ какого-то пѣвца и уѣхала съ нимъ навсегда и отъ сына, и отъ знаменитаго Хрисанова. Какъ и гдѣ узналъ обо всемъ папа, Вяча не зналъ; не до папы ему было—все онъ украдкой вынималъ измятый ключекъ, перечитывалъ, думалъ, старался понять, что дальше будетъ. Черезъ нѣсколько дней вспомнилъ нечаянно о скрипкѣ, взялся за нее—голосъ струнъ словно слегка ослабѣлъ, будто кротко и смиренно жаловался на вачину забывчивость и не-благодарность.

Прошли экзамены, дипломъ въ карманѣ, горе отошло подальше, словно въ туманъ уплыло, настало скверное городское лѣто съ пылью, несноснымъ зноемъ и дикимъ грохотомъ; тетя (папина сестра) увезла папу и Вячу въ мужиновъ имѣнье, чтобы они тамъ отдохнули и позабыли о „дурной, неблагодарной и пошлой женщинѣ“ (такъ теперь всѣ папины родственники называли маму). Когда осенью пріѣхали обратно въ городъ, папа позвалъ Вячу въ свой большой, угрюмый кабинетъ, уставленный книжными шкапами, и спросилъ ненужно громкимъ голосомъ:

— Ну, что же ты намѣренъ предпринять дальше?

— Мнѣ бы хотѣлось въ консерваторію,—сказалъ Вяча. Папа пожалъ плечами, но спорить не сталъ. Экзамены

Сванія. Долина. (Кавказъ.) Съ фотогр. г. Ермакова. (Тифлисъ).

прошли благополучно, и Вяча попалъ въ классъ къ старому, заслуженному профессору. Профессоръ занимался лишь съ некоторыми—онъ былъ усталый, больной человекъ и уроки были для него тяжелымъ, мучительнымъ испытаніемъ, часами вовсе ненужной, мерзкой скуки. Только порою, занимаясь съ какимъ нибудь любимцемъ, онъ вдругъ загорался, бралъ скрипку, и она звучала въ его рукахъ послушная и живая, напоминая притихнувшимъ ученикамъ о громадномъ, исключительномъ талантѣ ихъ учителя. Вяча профессору не нравился, въ новомъ ученикѣ онъ почувялъ диллетанта, видѣлъ небрежность, отсутствіе суровой, аскетической выдержки и живо отошелъ отъ него. Нельзя сказать, чтобы Вяча былъ подавленъ этой крупной неудачей, онъ даже какъ-то не замѣтилъ ея во-время—послѣ скуки и тоскливости пустой, громадной квартиры съ запахомъ лекарствъ и ненужными, тяжелыми воспоминаніями его захватила познана впечатлѣній, чужіе люди, безконечные, шумные толки и музыкѣ, и онъ проводилъ цѣлые дни въ консерваторіи—ходилъ по различнымъ концертамъ, заглядывалъ въ чужіе классы, тревожился, надѣялся, думалъ и все искалъ, искалъ настоящей, необходимой тайны. Ему казалось невѣроятнымъ, чуднымъ и страшнымъ хотя бы подумать, что вся суть искусства, неизъяснимаго, изумительнаго очарованія струнъ можетъ быть заключена въ скудный, будничныи, ремесленный трудъ, въ шершавый напѣвъ упражненій.

Душа его какъ-то вдругъ, порывисто открылась для міра—раньше были только скрипка, мама и гимназія—и захотѣла чего-то новаго, неизвѣданнаго; порою Вячѣ становилось страшно, но тихий внутренний голосъ убѣждалъ его, что все это—путь къ познанію тайны, что только такъ онъ созрѣетъ, достигнетъ души скрипки и она, покоренная и разгаданная, запо-

етъ въ его рукахъ, какъ пѣла у маленькаго скрипача въ тотъ далекий и все еще памятный вечеръ.

Вяча влюбился—неуклюже, внезапно и неожиданно, какъ влюбляются обыкновенно люди, слишкомъ привыкшіе къ уюту и ласкѣ, влюбился въ дѣвушку съ положительнымъ, разсчетливымъ характеромъ. Ей понравился Вяча, она подумала, посоветовалась съ отцомъ—онъ работалъ въ клиникѣ вмѣстѣ съ папой—и вышла замужъ.

Хрисановъ Сысоевичъ умеръ черезъ нѣсколько недѣль послѣ свадьбы сына; молодымъ онъ оставилъ порядочное состояніе. Мало-по-малу Вяча отставалъ отъ консерваторіи и наконецъ совсѣмъ бросилъ ее почти безъ сожалѣнія,—вѣдь теперь онъ могъ самостоятельно искать струнную тайну. Къ нему заходили прежніе сотоварищи, устраивались музыкальные вечера Вячу не удовлетворяла обычная обстановка, ему хотѣлось пышнаго, сказочнаго убранства, особаго костюма, странныхъ, размѣренныхъ жестовъ. Когда лѣтомъ уѣхали на дачу, то тамъ онъ устроилъ ночной музыкальный праздникъ—пѣли скрипки и віолончели, надъ садомъ взлетали пестрые, пламенные ракеты и рассыпались звѣзднымъ, блестящимъ дождемъ надъ темной, задумчивой водою; объ этомъ вечерѣ долго и много толковали сосѣди-дачники, а мужики прозвали Вячу съ тѣхъ поръ „тронутымъ баринномъ“.

Съ женою Вяча жилъ дружно, хотя съ перваго же дня сталъ сознавать, что онъ жестоко и непоправимо ошибся. Она презирала мужа за его бездѣльную, „шарлатанскую“, по ея мнѣнію, жизнь, старалась сокращать лишніе расходы на музыкальныя затѣи и потихоньку, тактично и упорно выживала изъ дома вячиныхъ друзей, большихъ крикуновъ и фантазеровъ, но плохихъ музыкантовъ. Родилось двое дѣ-

тей, жить стало труднѣе, а вячины планы неудержимо росли и ширились: онъ мечталъ о постройкѣ концертныхъ дворцовъ, о всемирныхъ музыкальныхъ содружествахъ и цѣлыми днями просиживалъ за составленіемъ фантастическихъ программъ и проектовъ; устраивалъ концерты всюду, въ дачныхъ театрахъ, имѣвшихъ видъ брошеннаго сарая, гдѣ его часто слушали остальные участники да приبلудная собака.

Пришлось потомъ отказаться отъ этихъ радостей—средства истощались и жена окончательно взяла все въ свои крѣпкія руки; наконецъ и тестъ рѣшилъ обратить серьезное вниманіе на безпутнаго зятя. Вячѣ нашли мѣсто, семья и онъ переѣхали къ старику—время словно обратилось вспять, будто снова началось дѣтство. Только на этотъ разъ оно было тяжело и горько: днемъ нужно было томиться на службѣ, слушать плоскія и однообразныя острооты сослуживцевъ и скучать безъ скрипки, а вечеромъ нельзя было играть—профессоръ ложился отдыхать послѣ обѣда, потомъ занимались дѣти, а тамъ вечерній чай и спать пора. Иногда лишь Вяча уходилъ въ гости къ старымъ друзьямъ—къ нему они больше не являлись изъ-за жены и тестя—итамъ отводилъ душу; опять начинались споры объ искусствѣ, строились всевозможные громадные проекты. Послѣ такихъ вечеровъ Вячѣ казалось, что онъ—художникъ; еще равнодушнѣе переносилъ онъ методическіе упреки жены и презрительныя замѣчанія тестя, забывалъ, что онъ лишень своего угла, что впереди ждетъ нечего, кромѣ насмѣшекъ и злобы.

Эти радости выпадали на его долю не слишкомъ часто, — квартирныя хозяйки не очень любятъ музыкантовъ, готовы скандалить изъ-за лишняго шума; какъ истая богема, вячины друзья не отличались денежной аккуратностью и поэтому не могли претендовать на придирки и стѣсненія. Часто Вяча бродилъ по пивнымъ, рестораникамъ и тамъ изливалъ свою душу незнакомымъ, случайнымъ сосѣдямъ по столику, рассказывалъ небылицы, представлялся иностранцемъ; разъ даже купилъ усы, загримировался немножко, пришелъ такъ домой и испугалъ жену. Тестъ сказалъ недобрымъ и хриплымъ генеральскимъ баскомъ:

— Видно скоро придется это нещечко въ желтый домъ посадить.

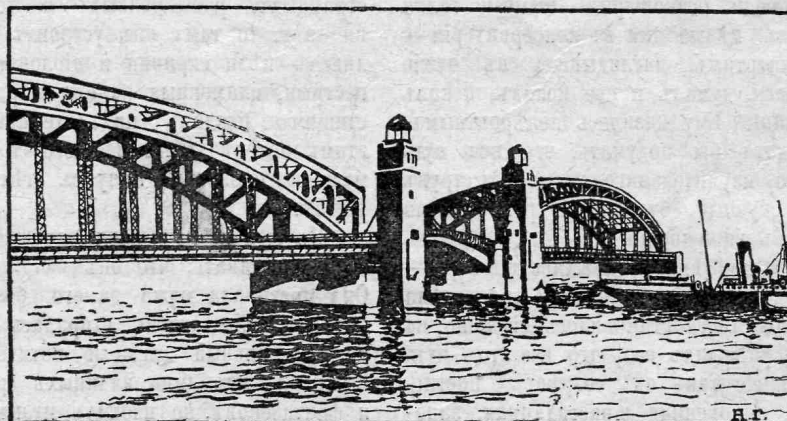
Дѣти подрастали, но отъ нихъ не приходилось ожидать особенныхъ радостей—все больше льнули къ матери и дѣду и стыдились чудаковатаго неудачника-отца.

Въ то лѣто вся семья жила на дачѣ недалеко отъ города: тестъ чувствовалъ себя плохо, могъ понадебиться каждую минуту хорошій, опытный докторъ. Вяча пріѣзжалъ вечеромъ изъ города и ютился на мезонинѣ—тамъ ему было лучше,

чѣмъ внизу; разъ даже попробовалъ поиграть на скрипкѣ но на слѣдующее утро попало отъ жены за глупыя фантазы. Лѣто шло уже къ концу; августъ стоялъ прекрасный—хрипальные, голубые дни, какая-то нѣжная, стыдливая печаль въ вечерахъ, особенный, умирающій напѣвъ въ рѣчныхъ прозрачныхъ струяхъ. Днемъ былъ крестный ходъ, святые яблоки, и Вячѣ стало особенно хорошо и грустно, когда онъ услышалъ вдали, въ вечерѣющихъ поляхъ, нестройное пѣніе—визгливо, какъ ненастроенная скрипка, дискантами заливали бабы и глухими, темными и хриплыми басами подпирала этотъ пронзительный визгъ мужики.

Спать легли рано—тестъ усталъ отъ хлопотливаго преддѣльного дня. Вяча долго сидѣлъ у себя на мезонинѣ и, глядя на пестренькіе, дешевые обои съ красными птицами и синими цвѣтами, упорно и тупо думалъ. Вдругъ ему захотѣлось играть во что бы то ни стало, сейчасъ, не откладывая, сію минуту. Онъ взялъ скрипку, тихонько, стараясь не скрипеть, сошелъ внизъ черезъ стеклянный балконъ, вышелъ въ садъ. Медленно прошелъ мимо клумбы съ тощей резедой и блестящимъ шаромъ посрединѣ, по покатою дорожкѣ къ озеру. Дойдя до берега, Вяча сѣлъ на скамейку и сталъ играть что-то несладное и пошлое. Сперва ему казалось, что скрипка плачетъ, какъ у того маленькаго скрипача. На минуту онъ опустилъ смычокъ, и тишина словно шепнула ему, что онъ обманутъ, что скрипка обокрала его и погубила, сдѣлала сѣдымъ шуткомъ и никчемнымъ, смѣшнымъ чудакомъ. Не существующая тайна отравила его—все такъ понятно, только трудъ, только ремесло и механика, но струны замкнули очарованный кругъ и нѣтъ изъ него выхода. Вяча плакалъ—ему вспоминалась мама, веселая, радостная мама, вдругъ покинувшая скучнаго папу, ушедшая по своей волѣ далеко-далеко. Сквозь слезы онъ глядѣлъ на темную, спокойную воду—въ немъ проснулась мамина душа; онъ не узнавалъ себя, весь томился только желаніемъ гибели, желаніемъ свѣтлаго, внезапнаго конца. И этотъ полусвѣдой, высокій чельчикъ съ растерянной и жалкой улыбкой кинулся къ спасительной и страшной глубинѣ—лишь на моментъ онъ нарушилъ спокойный, мудрый сонъ струй, и скрипка лежала въ травѣ, глядѣла вслѣдъ, какъ будто улыбаясь упрямо и жестоко. А для него ужъ пѣли подводные голоса—внезапная смерть несла долгожданное, выстраданное блаженство. Эта смерть никого особенно не огорчила—тестъ обезпечилъ дѣтей, скрипку вдова продала довольно выгодно одному знакомому любителю. Осталась только кипа старыхъ, рваныхъ нотъ—словно вся вячина жизнь приснилась, словно вся она—тяжелая, нудная дрема, сонъ о жестокой, небывалой тайнѣ струвъ.

Димитрій Крючковъ.

не
ро
по
ни
зд
к
щ
д
р
д
ж
н
э
п
ст
п
ч
о
л
к
к

Деревя въ Сваніи. Съ фотограф. г. Ермакова (Тифлисъ.)

Г. ЧУБИНОВЪ.

СВАНЫ.

Въ горахъ Кавказа, у южнаго склона Эльбруса, живетъ многочисленный народъ свановъ. Сванія со всѣхъ сто- ронъ замкнута высокими горами, почти девять мѣсяцевъ покрыта снѣгомъ. И только лѣтомъ страна имѣетъ срав- нительно легкое общеніе съ остальнымъ міромъ. Но и лѣто въ Сваніи прохладное. Нерѣдко температура бываетъ близка къ 0°. Въ общемъ климатъ суровый. Склоны горъ, обра- щенные на югъ, покрыты травой, а обращенные на сѣверъ — лишены растительности. Вся страна изрѣзана рѣками и рѣчками, которыя образуютъ въ большей еще мѣрѣ, нежели горныя вершины, удобныя для сообщенія. Сванцы стараются содержать мосты и дороги въ исправности. Надо замѣтить, что Сванія не знаетъ колеса и колеснаго транспорта: и зимой, и лѣтомъ грузы перевозятся на саняхъ. Именно поэтому, что дороги очень хорошо укатаны. Но странныя дороги черезъ перевалы. Здѣсь обыкновенно только въ близости намѣчено направленіе пути—самая дорога почти замѣтна только по притоптанной растительности, въ остальномъ же она представляетъ хаотическую массу наваленой природой камней и каменныхъ глыбъ, какъ и все остальное; въ такихъ мѣстахъ приходится не идти, а кара- ваться.

Отрѣзанность отъ остальнаго міра, высота положенія, су- ровость климата—вотъ элементы, формирующіе вполне опре- дѣленно природныя условія жизни свана и тѣмъ самымъ опредѣляющіе возможность его экономическаго благосостоянія. Онъ можетъ занять подъ посѣвъ только небольшія площадки, мѣстами образуемая долинами. Самая значительная имѣетъ всего 5 верстъ въ длину и наполовину менѣе въ ширину. И она обслуживаетъ цѣлое общество. Недостачу хлѣба (осо- бенно ощутительную въ годы градобитій) сваны пополняютъ мѣной скота на кукурузу. Количество скота въ Сваніи огра- ничено площадью пастбищъ и, главное, возможностью про- кормить его въ теченіе зимы. Важный источникъ пропитанія свановъ—это охота. Счастливый охотникъ не только нако- рмить свое семейство, но, по обычаю, не долженъ отказать въ пищѣ и гостямъ, собравшимся поздравить его съ удачною охотою. Наконецъ сваны ходятъ на заработки, какъ на югъ—въ Мингрелію, такъ и на Сѣверный Кавказъ.

Народъ свановъ, насчитывающій по переписи 1897 года пятнадцать съ небольшимъ тысячъ душъ обоаго пола, родствененъ грузинскому народу. Въ сванскомъ языкѣ, который явился для ученыхъ очень важнымъ пособіемъ при выясненіи вопро- совъ родства нѣкоторыхъ умершихъ языковъ древнихъ куль-

турь передней Азии, насчитывается четыре нарѣчія и нѣсколько говоровъ. Сваны средняго роста, въ движеніяхъ своихъ неторопливы, но подвижны. Сравнительно часто попадаютъ свѣтловолосые и свѣтлоглазые. Старики доживаютъ до глубокой старости. Теперешнее процентное соотношеніе половъ почти равное. Вообще сваны замѣтно увеличились числомъ за послѣдніе 50—60 лѣтъ, за какой періодъ имѣются точныя данныя.

Сваны селятся по двумъ главнымъ ущельямъ—верхнему и нижнему. Хотя характеръ и строй жизни въ обоихъ ущельяхъ въ основномъ очень сходны, но все-таки историческія судьбы ихъ значительно разнятся другъ отъ друга. Сравнительная мягкость климата въ нижней Сваніи и сравнительно легкая доступность со стороны Мингрелии, прежняго Мингрельскаго княжества, наложили на нее отпечатокъ принадлежности къ большому государственному организму съ рѣзко выраженнымъ сословнымъ дѣленіемъ. Она составляла часть владѣній князей Дадіани Мингрельскихъ (отсюда ея названіе Дадіановской Сваніи). Верхняя Сванія была почти недостигаема извнѣ, да и не представляла ничего заманчиваго по условіямъ существованія. Здѣсь сформировались и сохранились тѣ условія родового быта, при которыхъ не было сословныхъ различій и связанной съ ними власти господина. Верхнее ущелье именуется Вольной Сваніей. И только западная часть ея, имѣя уже сходныя условія съ Дадіановской Сваніей, породила возвысившіяся и пріобрѣтшія къ XVII вѣкѣ суверенныя права родъ кн. Дадешкеліани, который подчинилъ себѣ пять общинъ; эти пять общинъ носятъ наименованіе Княжеской Сваніи.

Сванскія селенія состоятъ изъ башенъ съ домами, обнесенныхъ оградой и образующихъ деревни въ нѣсколько улицъ. Нѣсколько селеній одного бокового ущелья образуютъ общество. Башни обыкновенно во всей Сваніи одной величины—въ 3—4 этажа. Въ зимнее время сваны живутъ именно въ башняхъ, гдѣ нижній этажъ отведенъ для скота, а надъ нимъ живутъ люди и сохраняются запасы провизіи и, особенно въ прежнее время, оружія. Сообщеніе изъ этажа въ этажъ происходитъ по своеобразной лѣстницѣ: громадному бревну съ зарубками для ногъ.

Послѣ присоединенія Грузіи къ Россіи сваны также были по частямъ присоединены въ теченіе первой половины прошлаго столѣтія. Съ этого времени начинается знакомство съ условіями ихъ жизни и особенностями быта. Живя замкнуто въ собственномъ культурномъ кругу, сваны выработали и сохранили характерныя черты родового строя и его особенной психологіи. Ею пронизаны всѣ ихъ отношенія и опредѣляются ихъ общественныя чувства и дѣйствія. Въ психологіи „рода“ существенной собственно-единицей ощущается не отдѣльный индивидъ, а именно „родъ“. Поэтому всѣ отдѣльные члены рода неразрывно связаны другъ съ другомъ и къ жизненнымъ перипетіямъ одного существенно причастны и всѣ остальные. Если кто либо женится, то при этомъ участвуютъ всѣ сородичи: одни сопровождаютъ жениха, другіе—невесту, которая рядомъ символически-магическихъ обрядовъ становится членомъ рода, въ который она вступаетъ. Родовое, культовое единство, теряющее такимъ образомъ одного члена, получаетъ отъ другого денежный откупъ-возмѣщеніе.

Очень рельефно выступаетъ родовый строй свановъ въ области культы умершихъ; родъ является единствомъ, въ которомъ взаимно связаны какъ живущіе, такъ и умершіе, и можно сказать, и имѣющіе родиться члены его. Поэтому одной изъ главныхъ заботъ живущихъ является уходъ за

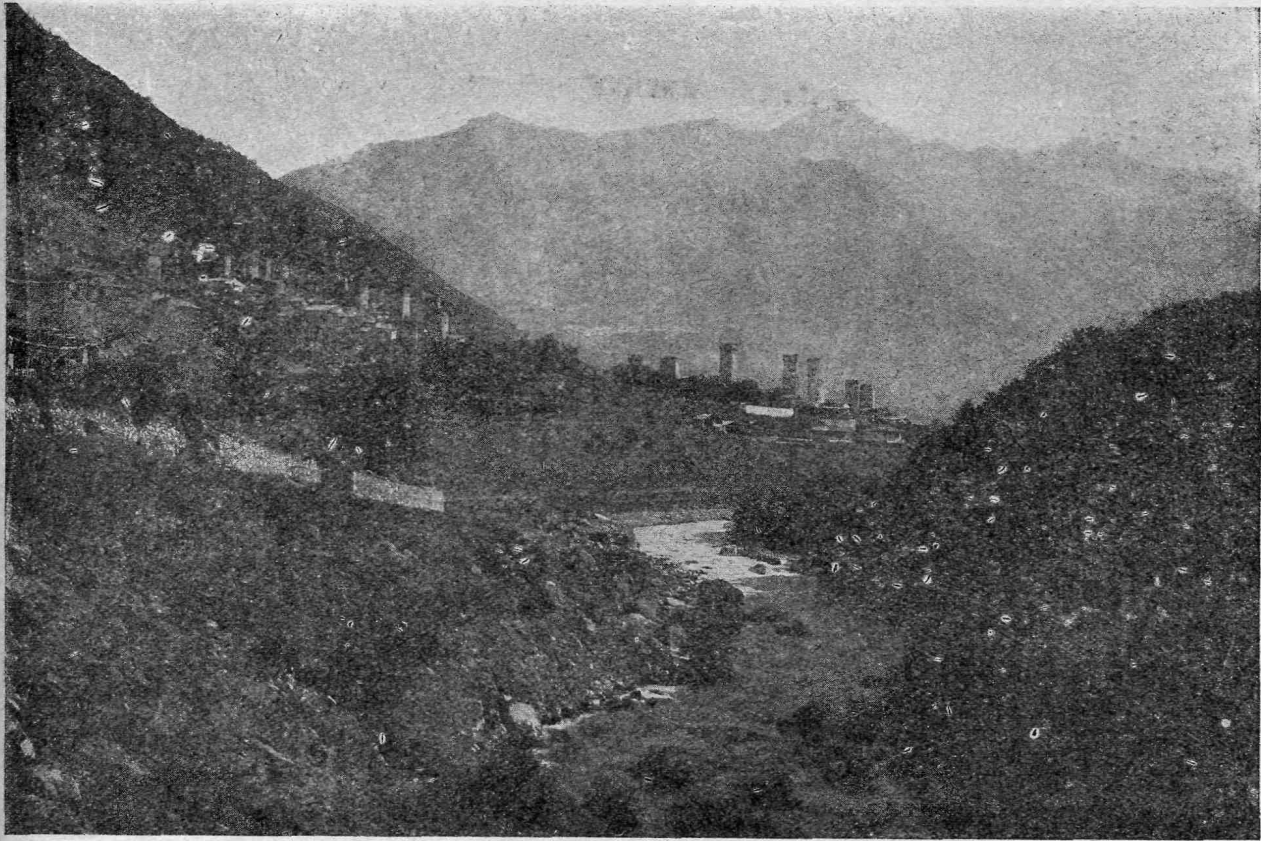
мертвыми. Все общество, мужчины и женщины, старъ и младъ, не оставляя никого дома, приходятъ въ тотъ домъ, гдѣ находится умершій, на похороны. Они участвуютъ въ самомъ погребеніи, а также въ первой общей трапезѣ послѣ похоронъ. Могила—склепъ—у цѣлаго рода одна и въ ней хоронятъ всѣхъ членовъ рода. Постель умершаго остается посланной весь годъ, около нея стоитъ круглый столъ, въ который каждый день кладутъ хлѣбъ и зажигаютъ свѣчѣ. Предъ началомъ обѣда хранятъ долгое молчаніе, въ поминаленіе отошедшаго, потомъ скажутъ: „Чтобы тамъ было хорошо тебѣ“,—и обѣдаютъ. По прошествіи года устраиваютъ опять поминальную трапезу, въ которой участвуетъ все общество и ко дню которой дѣлаютъ деревянную куклу. Нарядомъ куклу въ одежды, какъ у покойнаго, сажаютъ на особый стулъ и ставятъ предъ ней специальную ѣду. Этимъ оканчиваются особыя отношенія къ умершему: онъ присоединяется къ остальнымъ, ранѣе умершимъ, и культовыя дѣйствія относятся къ нему вмѣстѣ съ остальными.

Но пожалуй рѣзче, сильнѣе всего сказались психологія „родового единства“ въ кровавой мести. Требования кровной мести и создали для каждаго сванскаго рода необходимость укрѣпленнаго жилья, изъ котораго бы можно было отстрѣливаться и въ которомъ можно было бы отсидѣться такимъ и являлась башня.

Община въ Сваніи образуется нѣсколькими отдѣльными родами, семьями, занимающими извѣстную территорію. Эти общины, или общества владѣютъ лѣсами и пастбищами, а пахотныя и сѣнокосныя земли состоятъ въ дворовой собственности. Во главѣ общины стояли старѣйшина (старшина) и выборные. Но главное значеніе имѣеть общій сходъ. Собирались на него по зову въ саженыя трубы, еще понынѣ хранящіяся въ церквяхъ. Отдѣльныя общины уже издревле заключали между собою союзы. Мы имѣемъ документальныя записи этихъ договоровъ въ рукописяхъ и на нѣкоторыхъ иконахъ сванскихъ церквей, относящихся ко времени X—XI вв. Союзъ отдѣльныхъ независимыхъ общинъ объединяется въ союзъ общественно-политическій. По словамъ бывшаго пристава 70-хъ гг. Сваніи, И. Мамацова, „члены этого федеративнаго совѣта выбирались по большинству голосовъ. При стеченіи многочисленной публики, на открытомъ подѣ, въ сел. Пюрми, совѣтъ открывалъ свое засѣданіе; изъ толпы выступали рагаданы (ораторы) и каждый изъ нихъ по очереди излагалъ словесно свое мнѣніе относительно разрѣшаемаго вопроса; члены совѣта, по окончаніи преній, постановляли рѣшеніе согласно своему убѣжденію“. Постановленіе закрѣплялось присягой на наиболее чтимомъ образѣ изъ монастыря свв. Квирика и Ивлиты.

Однимъ изъ важныхъ проявленій союзной жизни были народныя празднества. Они совершались въ дни храмовыхъ праздниковъ, на площадяхъ предъ храмомъ. Одно изъ такихъ празднествъ совершается и теперь въ центральномъ селеніи Вольной Сваніи въ заговѣнье Петровскаго поста. Центральнымъ пунктомъ праздника является скачка со знаменемъ льва, древней эмблемой сванскаго союза. Левъ этотъ сдѣланъ изъ желтой шелковой матеріи съ нашитыми по туловищу черными крестами. Морда льва натянута на металлическій ободокъ, и при движеніи знамени противъ вѣтра все изображеніе надувается; это и есть цѣль скачки: всадникъ долженъ получить правильно надутую фигуру льва, что сулитъ урожайный годъ. Послѣ бѣговъ—игры, пѣніе, танцы и стрѣльба въ цѣль продолжаются до глубокаго вечера.

Что касается христіанства свановъ, то за два послѣдніе

Въ Сваніи. Съ фотогр. г. Ермакова. (Тифлисъ.)

до присоединенія ихъ къ Россіи оно пришло въ упадокъ, въ связи съ упадкомъ экономическимъ. Въ грузинской архитектурѣ сванскія церкви—числомъ свыше 90—составляютъ определенное провинціальное искусство. Храмъ Сванский—это продолговатый залъ съ алтарнымъ закругленіемъ, съ коробовымъ сводомъ и каменной алтарной преградой, въ которой одни только царскія врата, занавѣшанныя тканью. По древнему христіанскому обычаю, мѣсто сѣверныхъ и южныхъ вратъ обозначено оконными отверстіями; другая отличительная черта древне-христіанской эпохи—это сохранившиеся повсюду въ Сваніи (и въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ церквахъ Мингреліи) саженьные кресты, воздвигнутые въ постаментахъ предъ самыми царскими вратами. Свѣтъ проникаетъ только черезъ узкія оконныя щели. Иконы и фрески, съ чеканными изображеніями, въ большомъ числѣ сохраняются по всѣмъ церквамъ Сваніи. Снаружи церкви выложены изъ хорошо тесаного камня и крыты двускатной кровлей. Въ XVI—XVII вв. нѣкоторыя изъ церквей получили

въ верхней части наружныхъ стѣнъ росписи фресками. Церкви эти большею частью стоятъ на возвышеніяхъ и обнесены каменной оградой.

Сванскій народъ, сохранившій при всевозможныхъ условіяхъ свою тысячелѣтнюю культуру, скрывающую одинъ изъ ключей къ пониманію древнихъ культуръ передней Азіи, находится въ настоящее время въ періодѣ подъема. Сваны имѣютъ уже свою интеллигенцію, неустанно работающую въ родной странѣ на культурномъ поприщѣ въ качествѣ учителей, священниковъ и врачей. Если единственная пока больница Сваніи и недостаточна для всей страны, то она обслуживаетъ по крайней мѣрѣ ближайшій районъ. Самая же главная нужда края,—это дороги черезъ перевалы. Только съ проведеніемъ ихъ и минеральныхъ богатства страны станутъ ближе къ возможности разработкѣ ихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и улучшится, будемъ надѣяться, экономическое положеніе свановъ.

Г. Чубиновъ.

Въ Сваніи. Съ фотогр. г. Ермакова. (Тифлисъ.)

ХРОНИКА.

Осипъ Дымовъ, находящійся въ настоящее время въ Америкѣ, выпустилъ новый романъ «Бѣгущіе креста». По ближайшемъ разсмотрѣніи новый романъ оказывается старымъ. Полтора года назадъ онъ назывался «Томленіе духа». Совсѣмъ американскій трюкъ!

Отъ Редакціи.

Въ статьѣ О. Ларина „Лиссабонское землетрясеніе“ (см. „Г. Ж.“ № 11) встрѣчается слѣдующая фраза:

„Но зато судить, и судомъ строгимъ, нелицепріятнымъ, надо тѣхъ, кто, въ тотъ моменту, не искусствомъ, а искусственно приобщился къ тому, что показалось ему переживаніями народными. Кто не захотѣлъ ждать и въ страхѣ куда-то и въ чемъ-то опоздать поспѣшилъ настроить свою лиру на торжественный и негодующій ладъ и въ дешевой риторикѣ потопилъ послѣдніе остатки своего дарованія“.

Слова „послѣдніе остатки“ попали въ текстъ по недосмотру Редакціи. Съ литературной точки зрѣнія нельзя судить тѣхъ, кто уже давно живетъ „остатками дарованія“. Именно потому, что нѣкоторые изъ русскихъ писателей топчутъ свое дарованіе въ условной, злободневной поэзіи, Редакція и сочла нужнымъ помѣстить статью своего молодого сотрудника. Ввиду возникшихъ въ связи съ вышеназванной статьѣй недоразумѣній, Редакція спѣшитъ сдѣлать эту оговорку, заставляя за собой право вернуться еще разъ къ темѣ, затронутой О. Ларинымъ.

Новыя книги, поступившія въ Редакцію для отзы...

1. **Россия, Царьградъ и проливы.** Матеріалы и влеченія, подъ ред. и съ предисловіемъ Р. Стрѣльцова. Книгоиздательство „Прометей“ Н. Н. Михайлова. Ц. 1 р. 50 к.
2. **М. Кузьминъ.** Плавающие путешественіе. Ром. Изд. М. И. Семенова. Ц. 1 р. 50 к.
3. **Мемуары графини Потоцкой.** (1794 — 1820) Кн-во „Прометей“ Н. Н. Михайлова. Ц. 2 р.
4. **Записки жены декабриста П. Е. Аннековой** (Pantiguelle). Книгоиздательство „Прометей“ Н. Н. Михайлова. Ц. 1 р. 50 к.
5. **М. Моравская.** Стихи о войнѣ. Изд. М. И. Семенова Петроградъ. 1914. Ц. 20 к.
6. **Галерея современныхъ дѣятелей. Н. Ф. Василевскій (Буква).** 1) Вильгельмъ II. 2) Францъ Юсифъ. 3) Георгъ V. По 15 коп. за брошюру. Кн-во „Прометей“.
7. **К. Ледоцье.** На братскихъ могилахъ. Кн-во „Прометей“. Ц. 80 к.
8. **Баденъ-Пауелль.** „Развѣдчики“. Повѣсть изъ жизни англійскаго юношества. ПТГ. 1914 г. Библиотекъ „Колосъ“. Изд. М. И. Семенова. Ц. 1 р. 25 к.
9. **Джекъ Лондонъ.** „Лунная Долина“. Пер. З. А. Рогозиной. Книгоиздательство „Прометей“. Н. Н. Михайлова. Ц. 1 р. 50 к.
10. **Уптонъ Синклеръ.** „Сильвія“. Пер. съ англійскаго А. Ф. Домокской. Кн-во „Прометей“ Н. Н. Михайлова. Ц. 1 р. 25 к.

Роскошно иллюстрированные издания.

А. В. Кольцовъ. Полное собрание сочинений. Съ иллюстрациями акад. М. О. Микшшина и художн. В. В. Полякова. Цѣна въ папкѣ 1 р., въ колѣнкоромѣ переплетѣ—1 р. 50 к. съ перес.

Русскія былины. Новгородскій и новѣйшій периоды. Стихотворное изложеніе былинь съ иллюстраціями профес. В. П. Верещагина, академика М. О. Микшшина, художниковъ В. Полякова и А. Сиргелло. Цѣна въ красивомъ переплетѣ—1 руб. 25 к. съ пересылкой.

Рейнеке-Лисъ. Сатирическая поэма Иог. Вольфганга ГЕТЕ въ стихотворн. переводѣ съ 57-ю рисунк. В. Каульбаха, Лейтеманна, Вольфа и друг. съ биографіей Гете и проч. Цѣна въ красив. переплетѣ 1 р. 50 к. съ перес.—Эта поэма, описывающая продѣлки Рейнеке-Лиса, или, какъ говорятъ на Руси, Лисы-Патрикѣвны, носитъ аллегорическій характеръ и полна здороваго юмора. Подъ видомъ животныхъ выведены люди съ ихъ слабостями, страстями и проч. свойствами.

Книга пѣсень Гейне. Собраніе стихотворен. знаменитаго поэта Генриха Гейне въ перев. русск. поэтовъ подъ редакціей П. В. Быкова, съ иллюстрац. П. Тумана. Цѣна въ красивомъ переплетѣ 1 р. 50 к. съ перес.—Генрихъ Гейне—безспорно одинъ изъ самыхъ даровитыхъ поэтовъ міра. Всѣ его произведенія проникнуты чарующей прелестью поэзіи, въ дивнымъ красотами, причѣмъ многія изъ нихъ полны мѣткой ироніи и сарказма.

Освобожденный Иерусалимъ. Геніальная поэма Торквато Тассо, отличающаяся красотой, описывающая первый крестовый походъ въ Святую Землю и заданная въ новомъ стихотворномъ переводѣ В. С. Лихачова (около 12000 стиховъ), съ иллюстраціями художн. Матанія и портр. Тассо. Въ роскошномъ переплетѣ—1 р. 75 к. съ пересылкой.

Требованія адресуются Акціонерному Обществу Издат. А. А. КАСПАРИ, Петроградъ, Лиговская ул., д. № 114, и Садовая ул., д. № 20.

Лицъ, подписывающихся на журналъ „ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“ съ книгами сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО, просить **ОБЯЗАТЕЛЬНО ПИСАТЬ на ДЕНЕЖНОМЪ ПЕРЕВОДѢ** фразу

„съ сочиненіями Л. ТОЛСТОГО“, указывая при этомъ желаемое количество книгъ, т. е. **82** (полное собраніе ВСѢХЪ сочиненій) или **50** (собраніе ТОЛЬКО беллетристическихъ произведеній). Въ случаѣ неупоминанія въ переводѣ о сочиненіяхъ Л. Н. ТОЛСТОГО подписка будетъ зачисляться въ абонементы № 1 или № 2 (соотвѣтственно количеству высланныхъ денегъ), какъ наиболѣе требуемые.

СЛОВАРЬ-ТОЛКОВАТЕЛЬ

составл. нѣсколькими филологами и педагогами по извѣстнымъ словарямъ: Дая, Манарова, Павловскаго, Гейзе, Бронгауза, Березина, Гильдебрандта и многихъ другихъ. Въ этомъ компактномъ изданіи А. А. Каспари (3408 столбцовъ) каждый, кому необходимо навести справку о какомъ либо понятіи или словѣ, найдетъ толковое объясненіе съ историческими справками и проч. С.-Петербургъ. Цѣна за оба тома въ перепл. и съ перес. 3 рубля.

Требованія адресуются Акціонерному Обществу Издат. А. А. КАСПАРИ, Петроградъ, Лиговская ул., д. № 114, и Садовая ул., д. № 20.

Только ФРАНЦУЗСКІЕ и АНГЛІЙСКІЕ ПРЕДОХРАНИТЕЛИ

МУЖСКІЕ: отъ 1 руб. до 6 руб. дюж.
ЖЕНСКІЕ: золотые приборы отъ 14 руб. до 18 руб. шт. серебрян. „ отъ 6 руб. до 7 руб. шт.
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ВСЯКИХЪ ПРЕДОХРАНИТЕЛЕЙ.
Петроградъ. „ГИГИЕНА“. Невскій, 74—17.

Въ Акц. Общ. Издательства А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская ул., 114, продаются слѣдующія книги:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Э. МАРЛИТТЪ

во всемъ мірѣ автора заключающее въ себя свыше 2500 страницъ, на которыхъ помѣщено слѣдующее: 1) „Тайна старой дѣвы“, 2) „Графиня Гизела“, 3) „Совиное гнѣздо“, 4) „Двѣнадцать апостоловъ“, 5) Домъ съ колоннами“, 6) „Синяя борода“, 7) „Степная принцесса“, 8) „Златокудрая Эльза“, 9) „Вторая жена“, 10) „Женщина съ рубинами“ и проч.
Цѣна 3 р. 50 к. съ пересылкой.

ТАЙНЫ ЕКАТЕРИНЫ II-й

обрисовывающія интимную жизнь этой великой женщины-правительницы, увлекательно описаны въ историческихъ романахъ Г. САМАРОВА: „ПРИ ДВОРѢ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ“, „НА ПОРОГѢ ТРОНА“, „ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ ПЕТРА III-го“, „ДѢДУШКА ИМПЕРАТРИЦЫ“ и „ПОДЪ БѢЛЫМЪ ОРЛОМЪ“. Дополненіемъ ихъ являются еще историческіе романы „КОРОНА ЯГЕЛЛОНОВЪ“, „ЗАМОКЪ ФЕЙ“ и „ОКОЛО ТРОНА“. Цѣна за все это СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Г. САМАРОВА 3 руб. 50 коп. съ перес.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Э. ВЕРНЕРЪ

(романовъ, повѣст. и разск. знаменит. европейск. писателя) Всѣ романическія произведенія этого выдающагося автора проникнуты удивительнымъ благородствомъ мысли, тонкостью анализа и увлекательностью изложенія. Вернеръ вводитъ читателя въ кипучую борьбу съ жизнью; герои или торжествуютъ при своей правотѣ, или гибнутъ жертвами своихъ страстей и нарушенія тѣхъ велѣній, которыя предписываетъ нравственный долгъ. Обработка темъ захватываетъ все вниманіе читателя. Въ это полное собраніе входятъ: 1) „Своей дорогой“, 2) „Зарицы“, 3) „Два міра“, 4) „Фея Альпа“, 5) „Винета“, 6) „Руны“, 7) „Миражъ“, 8) „Заклатое золото“, 9) „Гонцы весны“, 10) „Цветокъ счастья“, 11) „Судъ Божій“, 12) „Источникъ жизни“, 13) „Благородная дичь“, 14) „На честное слово“, 15) „Бракосвѣтъ“, 16) „Почему“, 17) „Высшая точка зрѣнія“, 18) „Архистратигъ“, 19) „По слѣдамъ“, 20) „Выбирай“, 21) „У алтаря“, 22) „Дорогой цѣной“, 23) „Германъ“, 24) „Проклятыя и прощенья“, 25) „Герой пера“, 26) „Отзвукъ родины“, 27) „Орлиный полетъ“, 28) „Въ добрый часъ“, 29) „Эгоистъ“ и друг.
Цѣна за ВСЕ СОБРАНІЕ только ЧЕТЫРЕ (4) руб. съ перес.

15 ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ

- 1) „На всю жизнь“. (Эпоха импер. Александра I) Цѣна 60 к.
- 2) „Невольная преступница“. (Эп. Екатерины II) Цѣна 35 к.
- 3) „Живой мертвецъ“. (Эп. импер. Павла I) Цѣна 35 к.
- 4) „Полудневыя орлы“. (Эп. импер. Николая I) Цѣна 40 к.
- 5) „Паутина жизни“. (Изъ жизни адмир. Нельсона) Цѣна 45 к.
- 6) „Русскій американецъ“. (Эп. Александра I) Цѣна 45 к.
- 7) „Могильный цвѣтокъ“.—8) „Возлюбленная фаворита“.—9) „Вѣнценосный рабъ“. (Эп. Людовика XV, Екатерины II и Густава III.) Цѣна трехъ романовъ 80 коп.
- 10) „Красотна-еврейка“.—11) „Нороль-бердцѣвъ“.—12) „Поиски красавицы Нанси“.—13) „Приключенія червоннаго валаета“.—14) „Похожденія валаета трефъ“.—15) „Варфоломеевская ночь“.—(Изъ серіи „Молодость Генриха IV“) Цѣна шести романовъ 1 руб.

Цѣна всѣхъ 15 романовъ 3 р. 75 к. съ пересыл.

Полное собраніе сочиненій

В. КРЕСТОВСКАГО

знаменитаго бытописателя русской жизни громадной и интересной эпохи 1850—1890 гг. РОМАНЫ, повѣсти, рассказы, очерки, драматическія произведенія въ ШЕСТИ ТОМАХЪ (свыше 5000 стран.)

Цѣна ШЕСТЬ (6) рублей съ пересылкой.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ О. ШУБИНА

(роман., повѣст. и разск.) Произведенія Ос. Шубина отличаются богатымъ содержаніемъ, въ высшей степени интересной романической интригой и широкимъ развитіемъ дѣйствія. Затрагивая самыя различ. стороны жизни, они имѣютъ своими героями представителей самыхъ разнообразныхъ классовъ общества и въ особенности высшихъ его слоевъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ОСИПА ШУБИНА содержитъ въ себя слѣдующія произведенія: Чары полнолунія. Ром.—Послѣдняя стаяна. Ром.—Борисъ Ленский. Ром.—О, если бы уже была зима! Ром.—Усталое сердце. Пов.—Сломанный крылья. Ром.—Мертвая весна. Ром.—Долората. Пов.—Бальный залъ графа Линнебень. Легенда.—Весенняя мечта. Раз.—Слова матери. Легенда.—Азбень. Ром.—Честъ. Ром.—Среди своихъ. Ром.—Майская ночь. Раз.—Слова побѣжденных. Ром.—Откуда въ мірѣ зтогъ диссонансъ. Ром.—Въ тихомъ углы. Ром.—Исторія одного генія. Пов.—Блуждающая исконра. Повѣстъ.

Цѣна за ВСЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ только 3 р. 50 к. съ перес.

ШЕСТЬ БОЛЬШИХЪ КАРТИНЪ

художеств. воспроизведен., каждая въ размѣрѣ 63 на 44 сант. Цѣна каждой ПАРЫ КАРТИНЪ—ОДИНЪ руб. съ пересылк.: ЧЕТЫРЕ КАРТИНЫ—1 р. 75 к., а ВСѢ ШЕСТЬ КАРТИНЪ стоятъ только 2 р. 50 к.

1 и 2) „ЧАРЫ ЛЮБВИ“ и „ДѢДУШКИНА РАДОСТЬ“
3 и 4) „ПЕРВАЯ ССОРА“ и „ОТЪ ЧИСТАГО СЕРДЦА“
5 и 6) „ВЕСЕЛАЯ ИГРА“ и „ПѢСНЬ ЛЮБВИ“.

Необходимо при уплате ПЕРВАГО ПОДПИСНОГО ВЗНОСА точно указать, желательно ли получать журнал "ГОЛОСЪ ЖИЗНИ" съ 82-мя книгами полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, или БЕЗЪ этихъ книгъ, а журналъ "ВСЕМИРНАЯ НОВЬ" — съ 82-мя или 50-ю книгами сочинений Л. Н. Толстого.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ (БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХЪ И ФИЛОСОФСКИХЪ) Л. Н. ТОЛСТОГО

подъ общей редакціею **Д. В. ФИЛОСОВОВА**, въ **82-хъ КНИГАХЪ** (до **9.000** стран. текста въ $\frac{1}{8}$ долю листа), напечатанныхъ на высокоглазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. Къ изданію будутъ приложены **портреты автора**, воспроизведенные на мѣловой бумагѣ, и его **біографія**. Обложка художника **Д. И. Митрохина**.

Въ изданіе войдутъ **ВСѢ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО**, а именно:

РОМАНЫ И ПОВѢСТИ:— "Война и Миръ", "Анна Каренина", "Крейцерова соната", "Воскресеніе", "Дѣтство, отрочество и юность", "Казаки", "Утро помѣщика", "Семейное счастье", "Декабристы", "Записка маркера", "Два гусара", "Поликушка" — **РАЗСКАЗЫ**:— "Набѣгъ", "Севастополь", "Рубка дѣла", "Встрѣча въ отрядѣ", "Метель", "Альбертъ", "Люцернъ", "Три смерти", "Холостомѣръ", "Тихонъ и Маланья", "Идиллія", "Смерть Ивана Ильича", "Хозяинъ и работникъ", "Корней Васильевъ", "За что?", "Ягоды", "Пѣсни на деревнѣ".

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:— "Власть тьмы", "Плоды просвѣщенія", "Живой трупъ", "И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ", "Отъ ней всѣ качества".

ПОСМЕРТНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:— "Хаджи Муратъ", "Отецъ Сергій", "Дьяволъ", "Послѣ бала", "Фальшивый купонъ", "Алеша Горюшокъ", "Зеленая палочка", "Записки сумасшедшаго", "Два спутника", "Кто правъ?", "Отецъ Василій", "Кто убійца?", "Лермонахъ Исидоръ", "Ходынка" и проч.— **ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ ДЛЯ НАРОДА**:— "Чѣмъ люди живы", "Первый винокуръ", "Ходите въ свѣтъ", "Кающийся грѣшникъ" и проч. 32 произведенія.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКІЯ СОЧИНЕНІЯ:— "Исповѣдь", "Въ чемъ моя вѣра?", "Христіанское ученіе", "Ученіе Христа, изложенное для дѣтей", "Что такое религія", "Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность" и проч. статьи 80-хъ и 90-хъ гг.— **КРУГЪ ЧТЕНІЯ**. — **СТАТЬИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ**, а также объ искусствѣ, литературѣ, критическія. — **ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ** и пр., и пр.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО БУДЕТЪ ДАНО ВЪ 1915 ГОДУ
ввидѣ **БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ** къ слѣдующимъ **ЖУРНАЛАМЪ**:

"ГОЛОСЪ ЖИЗНИ"

Годъ изд. II.

"Голосъ Жизни" — первый русский иллюстрированный еженедѣльный журналъ, поставившій себѣ цѣлью соединить художественность съ занимательностью, серьезность — съ общедоступностью.

Въ каждомъ номерѣ "Голоса Жизни" помѣщаются рассказы, стихи, статьи талантливыхъ представителей всѣхъ литературныхъ теченій и не менѣе двадцати иллюстрацій.

Въ литературѣ "Голосъ Жизни" стремится къ широкой объективности, а въ публицистикѣ — къ объединенію демократическихъ и прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества.

Углубленное толкованіе современныхъ событій, подготовленіе русскаго общества къ предстоящей творческой работѣ — таково основное стремленіе "Голоса Жизни".

"Голосъ Жизни" — богато иллюстрированъ и даетъ тонкохудожественный матеріалъ, равно какъ и фотографическія снимки съ театра военныхъ дѣйствій.

Съ новаго года "Голосъ Жизни" выходитъ при ближайшемъ участіи **Д. В. Философова**.

Въ "Голосѣ Жизни" помѣщаются стихотворенія и рассказы: С. Андреевскаго, С. Ауслендера, В. Бестужева, А. Влона, В. Брусилова, Б. Верхоустинскаго, З. Гиппиусъ, С. Горюденцаго, Л. Добронравова, Бориса Зайцева, Георгія Иванова, В. Нарачаровой, Д. Крачковскаго, Д. Крючкова, А. Ремизова, В. Ропшина, Ю. Слезкина, П. Соловьевой, Ф. Сологуба, А. Чапыгина, Из. Шмелева, Н. Эрберга и др.

Въ "Голосѣ Жизни" помѣщаются статьи: Б. Веселовскаго, Владимира Гиппиуса, В. Ирцогаго, В. Маратыгина, проф. А. Карташова, Н. Коробки, проф. М. Курчинскаго, Антона Крайнего, Д. Левина, Н. Лернера, А. Мейера, Д. Мережковскаго, М. Новорусскаго, Е. Семенова, М. Славинскаго, проф. Н. Соколова, Ю. Слонимской, проф. М. Туганъ-Барановскаго и др.

Въ "Голосѣ Жизни" принимаютъ участіе художники: Александръ Бенуа, И. Вилибинъ, Ф. Бруни, М. Добужинскій, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, М. Нечитайло-Андриенко, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, В. Яннауеръ и др.

Подписчики "ГОЛОСА ЖИЗНИ" получаютъ:

52 №№ художеств.-литературн. журнала и **82 КНИГИ** **ПОЛНАГО СОБРАНІЯ** **Л. Н. ТОЛСТОГО.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой **8 р. 50 к.**
допускается **РАЗСРОЧКА**: при подпискѣ **3 р. 50 к.**, къ 1-го марта — **2 р.**, къ 1-го июня — **2 р.**, къ 1-го августа — **1 р.**

Принимается подписка на журналъ "ГОЛОСЪ ЖИЗНИ" безъ книгъ Л. Н. Толстого.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ — **4 р. 50 к.**, за полгода — **2 р. 50 к.**, за 3 мѣс. — **1 р. 35 к.**

Пробные номера — 20 коп. съ пересыл. При подпискѣ указывать избранный журналъ и число книгъ и адресовать **Акц. Общ. ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ: 1) Лиговская, д. 114, и Садовая, д. 20.**

"ВСЕМИРНАЯ НОВЬ"

(10-й г. изд.)

"ВСЕМИРНАЯ НОВЬ" — еженедѣльный иллюстрированный журналъ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ, дающій въ теченіе года

52 №№ ЛИТЕРАТУРН. ЖУРНАЛА съ массой рисунковъ, иллюстрирующихъ ТЕКУЩІЯ ВОЕННЫЯ и проч. событія мировой жизни, съ интересными рассказами — новинками русской и иностранной литературы и проч. **ПРИ НЕМЪ ВЫЙДУТЪ**

66 ПРИЛОЖЕНІЙ

52 №№ юмористич. "СМѢХЪ И САТИРА", а также илл. отдѣла **"МОДЫ И ДОМОВОД."**, **12 №№ "ХОЗЯЙКА ДОМА"** (моды и домовод.), **ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ** на 1916 г., изящная **КАРТИНА-ПРЕМІЯ — "СВИДАНІЕ"** и

82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылк. **7 р. 50 к.**
допускается **РАЗСРОЧКА**: при подпискѣ **3 р.**, къ 1-го марта — **1 р. 50 к.**, къ 1-го июня — **1 р. 50 к.**, къ 1-го августа — **1 р. 50 к.**

Принимается **УДЕШЕВЛЕННАЯ** подписка на "ВСЕМИРНУЮ НОВЬ" съ 66-ю ПРИЛОЖЕНІЯМИ и **50 КНИГАМИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ** РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и ДРАМЪ **Льва Ник. ТОЛСТОГО**

(т. е. за исключен. его философск. произведеній)
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ перес. **ШЕСТЬ (6) руб.**
допускается **РАЗСРОЧКА**: при подпискѣ — **ДВА (2) р.**, къ 1-го марта — **1 р. 50 к.**, къ 1-го июня — **1 р. 50 к.**, къ 1-го августа — **1 руб.**

Ввиду высокой цѣнности для культурнаго міра творчества Л. Н. Толстого будетъ обращено особенное вниманіе на тщательность печати и изящество внѣшнѣго вида полнаго собранія его сочиненій.